

СЕРГЕЙ КОРБУТ

**ПРОЗА
ЖИЗНИ
СТИХИ**

ФОНД
ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ
СИБИРИ

ББК 84(2=411.2)6

К66

Корбут С.В.

К66 Проза жизни: Стихи. – Иркутск, 2016. – 144 с.

В новую книгу члена Союза писателей России Сергея Корбута вошли неопубликованные стихи, написанные в последние годы, и часть стихотворений в новой редакции из книги «Все стихи 2005», а также из журнальных подборок.

© Корбут С.В., 2016

В МОЗГУ БИЕНИЕ РИТМОВ НЕ СТИХАЕТ,
ТОМИТСЯ РИФМ БЕСЧИСЛЕННАЯ РАТЬ...
ПОРОЙ МНЕ ПРОЩЕ ГОВОРИТЬ СТИХАМИ,
ЧЕМ СЛОВО К СЛОВУ В ПРОЗЕ ПОДБИРАТЬ.

ПОСКОЛЬКУ МЫ НЕ ЧЕРВИ И НЕ СЛИЗНИ,
ХОТЯ И В НИХ ГАРМОНИЯ ВИДНА,
ГОТОВ ПОСПОРИТЬ Я, ЧТО В ПРОЗЕ ЖИЗНИ
ПОЭЗИИ ТАИТСЯ ГЛУБИНА.

Я НИЧЕГО ВЫДУМЫВАТЬ НЕ СТАНУ,
С КРАСИВОСТЬЮ ФАЛЬШИВОЙ НЕ ДРУЖУ,
А ПРОСТО ЖИЗНЬ ИЗ ПАМЯТИ ДОСТАНУ
И НА СТИХИ ЕЁ ПЕРЕЛОЖУ.

ДВЕ СВОБОДЫ

□

Детство. Вечер. Начало зимы.
На спине возлежу на салазках.
На экране густеющей тьмы
Раскрывается звёздная сказка...

Не припомню, кто санки везёт –
Папа с мамой, наверное, вместе.
Слишком было уж празднично всё,
Разговор у родителей весел.

Я нечасто их видел вдвоём,
Разве только в трудах и заботах...
И неважно, откуда идём,
Может, были в гостях у кого-то.

Ощущение праздника – да,
Это важно, – родители рядом.
За звездой выступает звезда
Под скольльзящим в движении взглядом.

Так, когда «переводку» потрёшь,
Под промокнутой бумагой рисунок
Проявляется – тем и хорош,
Что не сразу готовым подсунут...

Я на искорку взгляд наведу –
И она разгорается ярче.
С нетерпением новую жду.
Вот она – рядом с первой маячит...

Звёзд всё больше, и словно в провал
Увлекает мерцание света...
Я сейчас подбираю слова,
А тогда просто чувствовал это.

В детстве нам безотчётно дано
Понимание сущности мира,
Но с годами уходит оно,
Подменяясь учёностью мнимой.

Кто даёт понимание нам –
Это, в общем, не наша забота.
Он знаком по провидческим снам
Этот самый неведомый кто-то.

□ □

Кто-то властно проём распахнул
Из тепла в леденящую стужу –
Бесконечностью космос дохнул,
Страх восторженный хлынул в душу.

Словно дальняя искра, в уме
След оставившая мгновенный,
Так и я растворился во тьме
Захватившей меня вселенной.

А потом вместе с ней – взрлёт.
И внутри, как в стеклянном шаре,
Где – потрянёшь его – «снег» идёт,
Звёзды в хаос перемешались.

Через их мельтешащий зуд
Вижу улицу, зимний вечер,
Мама с папой меня везут,
Разговаривая беспечно.

Я хотел их окликнуть, но
Понял вдруг, что окликнуть нечем,
Мне, вселенскому, не дано
Передать свои чувства в речи.

И уменьшился звёздный ком
До теряющей яркость искры.
Так мне стало легко-легко
В бесконечности раствориться...

Память нетерпеливо трёт
«Переводку» метаморфозы:
Санки юзом... переворот...
В снег лицом... И, конечно, слёзы.

Что родителям мог сказать,
Даже слов-то не зная нужных?!
Так и ехал потом в слезах...
Но утешил семейный ужин.

Сёстры, бабушка, старший брат
(Или он пребывал в отъезде?) –
Как же был я в тот вечер рад,
Что мы в кухоньке тесной вместе!

□ □ □

Сколько лет я боялся взгляд
Устремить вглубь полночной сферы?
Но не звёзды в себе таят
Пустоту, а души химеры.

Лет четырнадцать было мне,
Вдруг на ум накатило что-то,
Стали мысли мои темней
Тьмы безлунного небосвода.

□ □ □ □

Сорок лет – невеликий срок.
Но случился сердечный приступ.
В парке я на скамейку лёг...
Звёздно падали сверху листья.

Телу было уже невмочь
Воздух втягивать с болью даже.
Страх пришёл за жену и дочь:
Что им жизнь без меня покажет?

Небо стало черным-черно.
Мир тугая спираль скрутила
И, как будто взрывной волной,
Душу вырвала, подхватила,

Вверх стремительно понесла.
Там раскрылась воронка света –
Конус радости и тепла,
Полный благостного привета.

Выше, выше – и всё светлей,
Всё свободнее и просторней...
А оставшееся на земле
Отстраняется, как история.

Я здесь вроде бы не при чём,
Без меня проживут, как смогут.
В свете сам становлюсь лучом,
Вероятно, летящим к Богу.

«Ах, зачем же Он эту высь
Укрывал от живого взгляда?!» –
Я подумал. А следом мысль,
Что сюда мне спешить не надо.

Если в смерти так хорошо,
Зная это, и жить отрадно...
Свет навстречу волной пошёл
И отбросил меня обратно –

В тело, стывшее на скамье,
В боль, бессилие и тревогу
О родителях, о семье,
Что не брошены, слава Богу...

□ □ □ □ □

Я согласен с душой вполне,
Возвратившейся восвояси.
Две свободы открылось мне...
Но не слишком ли выбор ясен?

РЕЧНОЙ ТУМАН СГУСТИЛСЯ В ОБЛАКА...

Речной туман сгустился в облака,
Вобрав ночного города свечение,
И ветерка незримая рука
Их караван ведёт навстречь теченью.
Когда они проходят под мостом,
Клубясь и спины раздирая в клочья,
Остановившись на мосту пустом,
О чём грущу я августовской ночью?

О том, что мысль, сгущённая в слова,
Подобна облакам туманной влаги,
Оставшимся лежать на островах,
Как на клочках изорванной бумаги,
А караван, прореженный мостом,
Иркут к себе затягивает в устье,
В густую тьму? А может быть, о том,
Что близость осени подсвечивает чувства
И зримой делает растерянность мою
Перед потоком образов и мыслей,
Которые в слова не перелью
За годы, отведённые для жизни?..

В потоке этом даже грусть легка,
Она ведь тоже движется в потоке.
Так уводи без устали, рука,
Навстречь теченью караваном строки!

ГДЕ ЛЮДИ, О КОТОРЫХ Я ЗАБЫЛ...

Где люди, о которых я забыл,
Чьё за спиной дыхание тихо веет
И голоса звучат, но так слабы,
Что – оглянусь – и память индевеет,
В себя вбирая холод забытья,
Чьи на безлюдье провожают взгляды,
Тепло – почти забытое – тая
От тех, кто спешно возникает рядом?..

Я жизнью окружён со всех сторон,
Минуты нет – мечтать о прошлых встречах,
Воспоминаний посещать перрон,
Так быстро утро переходит в вечер,
А вечер в ночь...

Куда же я спешу,
Чей взгляд ловлю в толпе, текущей мимо,
За чьей спиной растерянно дышу,
В чей пожелтевший вглядываюсь снимок?..

Холодный ветер памяти знобит
И тени, тени смутные колышет...
О люди! – все, которыми забыт
Сегодня я, – вам голос мой не слышен?!

КАКОЙ ДУША ПРИХОДИТ В ЭТОТ СВЕТ?

Какой душа приходит в этот свет?
Как и тела, она приходит в свет...
И видят все, что в ней изъянов нет.
Но разум не приемлет наготы.

Он ищет хоть какое-то тряпье:
Накинуть бы на душу хоть тряпье –
Как одержимый, кутает её,
Он в наготе не видит чистоты.

И вот душа, по сути, не видна,
Послушна разуму, ей нагота стыдна,
Своё предназначение она
Забыла. И глаза людей пусты.

Да, в наготе душа покинет свет,
Но в ней уже померкнет горний свет...
Прост на вопросы вечные ответ,
Но разум не приемлет простоты.

Про запас, как пол-литра в заначке,
 Я знакомым, случается, нужен.
 Если где-то теряются, значит,
 Всё в ажуре у них; станет хуже –
 Тут же требуют помощи срочно,
 Приезжают поплакать убого,
 Ну а кто-то достанет заочно,
 По астральным пробравшись дорогам.
 Кто-то сам поднапрячься не хочет,
 Или мания барства выиграет,
 И рутиной такой заморочит,
 Что неделя, как порох, сгорает.
 Ну а кто-то полезным находит
 Несуразицу впихивать в уши;
 Он вообще-то, как птица, свободен,
 Но его одиночество душит,
 И его затуманенный разум
 Порождает химеры без счёту,
 А химеры – такая зараза,
 Что и сам уподобишься чёрту!

Как живу, визитёры не спросят,
 Или слушать не станут ответа.
 Так с листвою обращается осень,
 Обрывая порывами ветра.
 Сколько жизни оборвано ими
 Без особенной пользы. И в спячке
 Полегли мои замыслы-мысли,
 Что хранить я пытался в заначке.

☺ ВЫЖАТ БЫТОМ...

Выжат бытом – и уже не скажу
То, что мог сказать год назад или два...
Я сегодня в гостях
и поэтому в ванне праздно лежу,
А не в баню колю дрова.

И, как мыльная пена, в этой праздности
Облепила мягкая грусть:
Жизнь проиграна...
А, впрочем, какая мне разница,
Я ж отыгрываться не рвусь...

И ещё, поскольку жизнь я ставил на творчество,
То могу понятия поменять местами:
Ведь проигрываешь не то,
что выиграть хочется,
А то, что на кон поставил.

Теперь поставлю на жизнь и стихи, и прозу –
Под залог судьбе, в счёт растущего долга.
При плохой игре – приму благодущную позу:
Мол, и не ждал иного итога.

А сам с облегчением отправлюсь рубить дрова,
Топить баню, воду возить во флягах...
Может, не стоит жизнь превращать в слова,
И марать вариантами, как бумагу?

Но пока я в гостях, и меня облепила грусть
Оттого, что жизнь проиграна и судьба заложена,
Говорю себе: «Проиграна? Ну и пусть...»
Невозможное проще принять,
чем терять возможное.

СТРАНИЦАМИ ПОРХАЕТ КНИЖИЦА...

Страницами порхает книжица,
Как мотылёк фантаста Брэдбери,
От ветерка трава колышется...
Как хорошо, что время движется,
А мы не движемся во времени.

Потянет в прошлое до одури –
Исправить всё, что напорачено,
Вернуть, что так бездарно отдано,
Создать, что вовремя не создано,
Собрать, что было растрчено...

Но в мире всё взаимосвязано,
И если в прошлом вырвать тернии,
Все чувства подчиняя разуму,
Не будет ли судьба обязана
Ответить новыми потерями?

Жизнь безошибочно не пишется.
И мотылёк фантаста Брэдбери
Порхает над открытой книжицей,
И время неовозвратно движется,
И мы не движемся во времени.

☺ **МЫ – КАК ФАЙЛЫ ИЗ РАЗНЫХ ПРОГРАММ...**

Мы – как файлы из разных программ.
Я внедрился в твою, словно вирус,
Стал источником сбоев и драм –
До плагина объёмного вырос.
Кто не знает, простите меня,
Что использую термины века.
Ведь по сути плагин применять –
Как в запасе держать человека.

Он в меню ненавязчиво врос,
Откликаясь на вызов исправно,
Если некий побочный вопрос
Не прошит в приложении главном.
Скажем, ваша программа мудра,
Но эффектов раз-два и обчёлся,
Обращаться к плагину пора –
Зажужжит ваш процессор, как пчёлка...

Только если я вздумаю сам,
В интерфейсе эффекты устроить,
Говоришь: «Мы из разных программ!
Твоё место в режиме надстроек».
Ах, какой я был вирус живой! –
Поражал зазевавшихся сразу.
Но потом антивирусник твой
Обновил устаревшую базу.

Отграничил меня в карантин,
Где, томясь, понял я, что влюбился,
И, как самый последний кретин,
В твой программный плагин превратился.
День за днём жду-пожду randevu,
Сам себе в ожидание отвратен.
На подхвате, как ламер, живу,
У программы твоей на подхвате.

МИР НАЖИВЫ И ЛЖИ ИЗМЕНИТЬ МЫ, УВЫ, НЕ ВОЛЬНЫ...

Мир наживы и лжи изменить мы, увы, не вольны,
Золотому тельцу поклоняются рьяней, чем Богу.
«Деньги ценятся выше своей настоящей цены», –
Генри Менкен изрёк, приведя размышленья к итогу.

Из мельчайших обманов всемирный сложился обман:
Даже в ценностях духа финансовой выгоды ищем.
Что «рубашка своя»?! Ближе к телу набитый карман,
И неважно, что в нём: миллиард или тощие тыщи.

Главный лозунг: «Урвать!» –

Ну а совесть давно не в чести,
К золотому тельцу с чистой совестью не подступиться.
На убитой планете бульдозером деньги грести,
А не то что лопатой, наверное, будут убийцы.

Менкен слабо сказал! Деньги ценятся выше людей:
Золотому уроду приносятся в жертву народы!
И не только ему.

Каждый день, каждый день, каждый день
Губы в свежей крови у колосса продажной свободы.

Золотой миллиард прибирает планету к рукам,
Для него человечность ничто, человечество – ветошь.
По пустынной земле потечёт золотая река –
Исполнением козней каких-то ветшайших заветов.

ПОД ЭЛЕКТРИЧЕСКИМИ ТОКАМИ

Под электрическими токами
На просеке среди кустов
Берёза вытянулась тонкая,
Достала кроной проводов.
Подует ветер – заполощется
По проводам туда-сюда.
Вершина выстрижена плоская,
Как где-то в лондонских садах.

В дождливо-пасмурном безветрии
Берёза тянется всегда
Пробиться вверх прямыми ветками
Хоть на вершок за провода.

Тщета! Где выросла, там выросла.
Опять ветра её стригут...
В бока берёза ветви вынесла,
Сгибая каждую в дугу,
И с каждой вниз побеги тонкие
Плакучим занавесом льёт.
Под электрическими токами
Чудное дерево растёт.

☺ Я В СЫКТЫВКАРЕ СРОДУ НЕ БЫВАЛ

Вот ни о чём не думаешь, и вдруг
Какой-нибудь кроссвордный «Сыктывкар»,
Попутчиком произнесённый вслух,
Становится назойлив, как кошмар.
Колёса отбивают: «Сык-тыв-кар».
И ложечка в стакане: «Сык-тыв-кар».
И двери в переходе: скрип-удар –
Растянуто... и резко: «Сы-ыктыв...-кар»!

Я в Сыктывкаре сроду не бывал.
Скорей всего, не буду никогда.
Там на гербе медведь в берлоге спал!
И этот поезд едет не туда!

Я из стакана ложечку убрал.
И путь уже пошёл бесстыковой.
И двери приумолкли до утра.
Но что-то приключилось с головой,
Взялась искать рифмовку к «Сыктывкар».
За «шаром» – «вар»,
за «варом» – «шаровар»...

То крик ворон воспроизводит: «Кар-р!»
То о летах напоминает: «Стар-р...»
Ах, здесь два эр, ну значит, Ринго Старр.

И я соседа бедного бужу,
Сую его кроссворд ему под нос,
И у него, как милости, прошу,
Чтоб он другое слово произнёс.
Но он не понимает ничего,
К проводнику за помощью бежит,
Мол, сумасшедший около него,
Как ястреб, когти выпустив, кружит.

А проводник ведёт меня к себе,
Горячий чай в стакан гранёный льёт
И разговор заводит о судьбе
Своей нелёгкой – как за годом год
Он колесит в вагоне по стране,
Всё б ничего, но вот какая дрянь –
Стучат колёса явственно вполне
Ему: «Тму-тара-кань, тму-тара-кань...»

Он это слово знать не знал, пока
Какой-то там проезжий зубоскал
Его родной, любимый Сыктывкар
Таким противным словом не назвал!

...Я из вагона вышел на перрон,
Чтоб хоть немного освежить мозги.
Тмутаракань была со всех сторон,
А если проще: не видать ни зги.
Вокзал светился лампочкой одной,
И я пообещал проводнику,
Что город навещу его родной...

.....
И допишу последнюю строку.

«ТАК ЧТО ЖЕ ТЫ ЗНАЕШЬ О ЖИЗНИ СВОЕЙ?»

«Так что же ты знаешь о жизни своей?» –
То слух донимала, то в очи блицала,
Едва наклонялся над водным зеркалом,
Ехидная фраза – вопрос-круговой.
Как овод настырный, всё кружит и кружит,
Укусит и снова гундосит снаружи.

И мне бы ответ хоть какой-то надыбать,
Или, как Сократ, ничего, мол, и баста...
А я лишь ворочаю прошлого глыбу,
Не в силах до сути вопроса добраться.
Какая-то странная в нём подоплёка:
«Так что же я знаю?..» – Былое поблёлкло?
Или завалило обвалами жизни
Настолько, что нужно готовиться к тризне?

А может быть, суть и не в том, что исчезло
Под грудой обломков и напрочь забыто?
А в том, то на груду ещё и не влезло
И только готовит торжественный выход?
Но это-то Богу известно и только,
А нам – мандариново – дольку за долькой,
Как дальней родне, нежеланной и бедной?
Гадать о грядущем для психики вредно...

Спускался в пещерную сырость и темень,
Где никнет настырность и слуха, и зренья,
Вопрос пробивался капелью сквозь темя:
«Так что же?.. Так что же?..» – и как озаренье:
«Ты знаешь!.. Ты знаешь!..» – и тонус занижен:
«О жизни... о жизни... о жизни... о жизни...»
И в самом конце, согласуясь с началом,
«Своей?!» – как сомненье, ехидно звучало.

В тайгу уходил, и от бодрого шага
Вопрос представлялся пустым и ничтожным.
Но вместе с усталостью – прелостью праха
Тянулось по следу: «Так что же?.. Так что же?..»
Всходил на вершину, и билось, как знамя
Под яростным ветром: «Ты знаешь! Ты знаешь!»
Свет горного озера пил из ладоней, –
«О жизни своей...» – стыло отсветом донным...

И вдруг на вокзале, среди суматохи
Мне голос из детства припомнился звонкий:
«Не тыблоко это, а яблоко, Лёха!.. –
Братишке внушала соседка-девчонка. –
Кто ж «ты» говорит, о себе говоря?!
Ведь я-то – не ты, понимаешь, а я!»
И я переделал вопрос-круговой:
«Так что же я знаю о жизни своей?!»

Как поезд, на путь запасной перегнуть
Вопрос удалось в перепутье извилин:
«Хочу ли о жизни я собственной знать?»
Ответ, словно гриб после дождика, вылез:
«Отмерено знание высшею мерой,
Зачем же бесплодные множить химеры?!»
И всё... Пустота... Но из той пустоты
Доносится детское: «Я-то – не ты...»

☺ МУХИ

Взвинченные, рассеянные,
Выжившие из ума,
Мухи зудят осенние,
Лезут к теплу в дома.

Форточка сеткой спрятана,
Тычутся, ищут вход.
Силы исчерпав, падают –
Ветра порыв сметёт.

В двери войдёшь – настырная
Следом компашка прёт.
И, отойдя от стылости,
Носится взад-вперёд.

Не посидеть над книгою,
Не посмотреть кино...
Бить их устанешь –
Выгоню
Тряпкой через окно.

...Льдом затянуло лужицы,
Сладок морозный дух.
Белые мухи кружатся,
Вытеснив чёрных мух.

☺ В СТОГЕ СЕНА ИСКАТЬ ИГОЛКУ...

В стоге сена искать иголку –
Знак бессмысленного труда.
Но спрошу я молве вдогонку:
Как попала игла туда?
Иль девица, на стоге сидя,
Вышивала кисет дружку?..
Не хочу никого обидеть,
Только лыко здесь не в строку.

Намудрили и на Востоке:
То ль по глупости, то ль с тоски
Ищут иглы в речном потоке,
Разгребают пустынь пески...

Вариантов, возможно, тыщи
По планете из края в край:
Немцы в стоге булавку ищут,
Англичане идут в сарай,
Где хранится у них солома,
Тщатся в поисках на лугу...
Тех, кто ищет иголку дома
Я и вспомнить-то не могу!

Нет, не в русском менталитете
Мудромыслия произвол:
Даль пословицу не отметил,
Ушаков её не привёл.

Значит, позже, из переводов
Обронилась иголка в стог.
Хорошо, что ещё не в воду,
Где промок бы я и продрог.
Вот отряхиваюсь от колкой
Ароматной сухой трухи.
В стоге мудрости нет иголки,
Лишь пословицы и стихи.

ВСЕ СИДЕЛИ В СВОЕЙ ГЛУШИ..

Все сидели в своей глуши.
Кто-то окал, а кто-то цокал –
Как особинка для души,
Говор сроден узорам окон.

«Цай», возможно, вкусней, чем «чай» –
Приезжайте на русский север!
А на Доне, от «калача»
Откусив, вы б излучку съели.

В Костроме никто никогда,
Заплутав в безударных гласных,
Не напишет вдруг «барада» –
«О» здесь слышится очень ясно.

А в Рязани или в Орле
Упирают на «а» упорно...
Так разбросаны по земле
Языка золотые зёрна.

...Кто теперь говорит, как встарь? –
Это странно и «не культурно».
Но в живой заглянув словарь,
Словно гуслей услышим струны.

Дивно говоры хороши,
Как любимой завитый локон...
Вдруг захочется жить в глуши,
Ко-ло-кольчикам вторя, окать.

☺ НЕСТЬ ЧИСЛА

К деду внук пришёл с вопросом.
Отложи-ка, дед, дела.
– Тут написано про звёзды:
«Звёздам в небе несть числа...»

Что за слово «несть» такое?
Может быть, ошибка здесь?
Дед ответил: «Будь спокоен,
Есть такое слово «несть».

Ну, вернее, было прежде,
Много-много лет назад.
А теперь его всё реже
Где-нибудь употребят.

Только в словосочетанье
«Несть числа»... Как плеск волны,
В этом слове дышит тайна
Нашей русской старины.

Есть у нас страна Россия,
Есть язык родной и честь...
Ну а слово «несть» вместило
Отрицание – не есть...

Несть и нет – родные братья:
Старший брат и младший брат.
Раньше войско звали ратью,
Говорили «во сто крат».

Друг, дружина и другиня
Корнем намертво срослись...
А теперь слова другие
По России разбрелись.

Спикер, имидж, креативный,
Шоу, шопинг, мэр, гламур...
Будто наглый супротивник
Правит бал у нас в дому...

Юный внук подёргал деда
За рукав:

«Послушай, дед,
Объясни, что значит это:
«Нет числа» – какого нет?

Всё, что я про числа знаю,
Не подходит здесь никак.
Числа цифрами бывают:
Пять – число, а цифра – знак.

Календарь число покажет –
День, в который мы живём.
Этажи многоэтажек
Тоже выразим числом...»

«Ты почти и сам ответил,
Мысль чуть-чуть не довела...
Это значит, что на свете
Нету нужного числа.

То есть так на небе много
Звёзд, что их не сосчитать.
Разве только что у Бога
Все записаны в тетрадь...

В детстве я считать пытался,
Но – напрасные труды:
То за облаком скрывался
Свет несчитанной звезды.

То прояснивало ночью
Так, особенно в мороз,
Что десятки новых точек
Загорались в стане звёзд...

Во вселенной бесконечной,
Удаляясь от Земли,
Мы считать могли бы вечно,
Если б вечно жить могли.

В общем, несть числа, и точка.
А теперь иди – учись.
У тебя вопросов точно,
Сколько звёздочек в ночи!..»

«Дед, спасибо за науку,
Но пока вопросов нет...» –
Внук пошёл к себе, и внуку
Дед смотрел с улыбкой вслед.

КТО РОДИЛСЯ И ЖИЛ В ДЕРЕВНЕ...

Кто родился и жил в деревне,
Будет помнить, как отче наш,
Как в тумане рассветном дремлет
Осторожная тишина,
Как пастух выгоняет стадо...
Лица первых своих друзей...
Да, родиться в деревне надо,
Чтобы сердцем сродниться с ней.

Жизнь меняется год от года,
Но желанья людей просты,
Чтоб село – колыбель народа –
Не осталось навек пустым.
И недаром на видном месте,
Там, где взгорок или река,
Мужики, собираясь вместе,
Школы ставили на века.

Здесь, за партами, зрели души,
Словно зёрна в колосьях ржи.
Души зрелые – кто порушит?
Кто их – зрелые – сокрушит?..
Но во времени невесёлом
Не до разума, не до книг:
Вымирают повально сёла,
Закрываются школы в них,

Спортплощадки, библиотеки,
Клубы – глохнут по деревням.
Ручейки не питают реки –
Значит, высохнуть и морям.
Запустелость в тумане дремлет,
Круглосуточно – тишина...
В этой тихой войне с деревней
Избывает свой дух страна.

ОТ СКОРБНЫХ ТЕМ УЖЕ ГУДИТ БАШКА...

От скорбных тем уже гудит башка,
Аж волосы вздымает на затылке.
Что остаётся делать мужикам?
Поищем настроение в бутылке!

Как вредно пить, мы знаем наперёд.
Но от пол-литры на троих не вспучит.
Бросаем жребий, и Петро идёт
Туда, где – точно знаем – водка лучше.

А Михаил заводит разговор
С гримасою брезгливой и усталой;
Его племяш ведёт себя, как вор –
Всё тянет деньги из мамани старой:

«Я иногда готов его убить! –
Спаси Господь от страсти и помилуй!
Но я уже не знаю, как тут быть,
Он доведёт сестрёнку до могилы.

Я далеко... А хоть бы рядом жил!
Нет на него управы, да и Надя
Жизнь для сына готова положить,
На подлости и выверты не глядя.

Сама худа, больна, едва встаёт.
Его детей воспитывает, кормит.
А он по бабам бегаёт и пьёт... –
Родная кровь?! – Такой в нас нету крови!

А вот его папаша – тот вполне!
Дитя состряпал и в бега подался.
С милицией искали по стране,
Но он, собачий сын, не отыскался.

Племяш в бега не бросился, живёт
Как прихлебай. Хотя мозги – не тормоз,
Никак себе работы не найдёт...
Его жена? – Подобная оторва!

Да знаю я, такая молодёжь
Не редкость ныне. Только нам не проще.
Что для сестры ни купишь – то найдёшь
У племяша, иль не отыщешь вовсе.

Живёт, как нищая: одежда и бельё –
Рваньё рваньём! – он гневом полыхает. –
Уходит в прорву пенсия её,
Хоть пенсия сложилась неплохая.

И ветеран труда, и инвалид –
Со скрипом наскребли вторую группу.
Такую гиль в собесе развели,
Что первую дают, похоже, трупу!

Всех эта власть под корень изведёт.
Могли бы – нефть качали из народа!
А так – зачем он нужен для господ.
Им без народа – полная свобода.

Продал страну – и знай себе живи
В благих краях,
хоть в Лондоне, хоть в Ницце,
А что богатство встало на крови,
Так что с того – людская кровь водица!

Племянник тот же – враз бы на него
Нашли управу при советской власти!
А ныне – всякой мрази торжество
Лишает близких сытости и счастья.

Да-да, возможно, будь другая власть,
Условия другие, в нём бы тоже
Другая грань натуры поднялась,
И стал бы он и честным, и хорошим.

Но ведь не все, и далеко не все
Скатились по наклонной до ничтожеств...
Как там Петро сказал о колбасе:
В ней яда нет, но нет и мяса тоже?!

Пропал! Его за смертью посылать.
Надеюсь, колбасу он купит всё же?..»
И Михаил такую вспомнил мать,
Что монолог достойно подытожил.

Петро, конечно, вскорости пришёл,
Не смерть принёс, а водку и закуску.
И Миша, выпив, молвил: «Хорошо!..
Не всё уж так и плохо
в жизни русской...»

ВЕЩИ, ЖИВУЩИЕ ДОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ

Вещи, живущие дольше людей,
Это нормальная аномалия...
Люди, живущие дольше идей,
Созданных ими, – дурная компания.
Можно, конечно, идеи менять,
Словно подержанных жён на молоденьких...
Пусть эта чаша минует меня,
Как и клеймо реформатора Родины.

Если реформы измене сродни
(Боже, какую державу угробили!),
Пусть назовутся изменой они
И в номинации премии Нобеля.
Пусть откровенно ликует «кагал»,
Не прикрываясь двойными стандартами:
Золотом вылепив слово «украл»,
Слово «убил» огранив бриллиантами.

Пусть славослов грабежом назовёт
То, что считается приватизацией,
Пусть президент ордена раздаёт
С надписью «За девальвацию нации».
Словно в какой-то азартной игре,
Словно бы в детские пакости впавшие,
Тянутся прихвостни руки погреть
Нефтью, текущей над мёртвыми пашнями.

Вечно нельзя иждивенчество длить,
В гроб загоняя родителей любящих.
Скоро вам нечего будет делить,
Кроме дырявого гнойного рубища.
Я не кликушествую – везде
Знаками видятся мне полустёртыми
Вещи, живущие дольше людей,
В хаос влекомых идеями мёртвыми.

Я БЫЛ ВСЕГДА

*Нашу персть земля возьмёт...**Фёдор Тютчев*

Из тьмы пришёл... Или прошёл сквозь тьму,
Покинув свет, до нынешнего света,
Которым всё просвечено, согрето,
Всё, даже недоступное уму...

До этого – не помню ничего,
Лишь тьма, как колыбель, меня качала,
Вдруг вечность кончилась, и грянуло начало –
Моё – в потоке света – естество.

Я был всегда. Мне трудно понимать,
Что не было меня или не будет,
Что главный мой исток – отец и мать –
Из люлек предков вышедшие люди.

Они ушли, их нет ни там, ни здесь,
Лишь нить родства, вплетённая в орнамент
Судьбы, напоминает временами,
Что плоть земли возьмёт земную персть.

А я уйду в себя, как в глубину
Бездонную, где тьма живёт и дышит,
Откуда я, себя не помня, вышел
И нить родства сквозь белый свет тяну.

ЛУНА ПРОШЛА ВОСЬМУЮ ЧАСТЬ ПУТИ...

Луна прошла восьмую часть пути,
А звёзд не разглядишь за облаками...
Я небосвод готов вращать руками,
Чтоб ночь быстрее к рассвету привести.

Тяжёлый сон призвал гудящий рой
На гнус похожих мыслей-кровососов.
Обрывки строк, как строки или осы,
Мне жалят мозг, хоть голову закрой
Подушкой, хоть водой её облей...
Облил водой – не стало веселей.
Залез в халат, спасаясь от озноба.
И страх безумный, как мертвец из гроба,
Поднялся, злобно скалясь, из нутра:
Какая чушь! – как на ветру осина,
Затрепетал: дожить бы до утра.
И сердце в бездну ухнуло бессильно...

Три четверти пути прошла луна.
Но я уже её прикончил бредни:
Лечу к восходу на велосипеде.
Гудит в ушах.
А в мыслях – тишина.

ГЛАЗА БОЯТСЯ – РУКИ ДЕЛАЮТ!

Глаза боятся – руки делают!
И голова не отстаёт,
Когда её идеи смелые
Работу двигают вперёд.

Вперёд, вперёд! Порой оглянешься:
На четверть, а потом на треть –
Труда огромного кусманище.
Ну, любо-дорого смотреть!

Вперёд! Но чуть за половиною
Пути намеченного – ах! –
Усталость чувствуешь лавинную.
И страх полощется в глазах:

Когда работа не закончена,
В её начале смысла нет!
Из лёгких воздух рвётся ключьями,
Тупая боль саднит в спине.

И на хребте перемогания,
Когда подмогу не зовёшь,
Ты, словно на втором дыхании,
До цели всё-таки дойдёшь.

Объятый негою постельною,
Себе ты скажешь перед сном:
«Глаза боятся – руки делают.
И ты – с руками заодно».

В руки я беру рубанок,
Чтобы доски построгать.
Получается забавно:
Что я буду «отрубать»?
Но хочу узнать вначале,
Чтобы знанья углубить,
Что по-русски означает
Слово старое «рубить»?

Вот те на: значений много –
В полстраницы полоса,
Но подходит, если строго,
Лишь значение «тесать».
Да ещё зарубки делать,
След рубанка – как рубец...
И «рублю» я доску смело
Тем рубанком наконец.

Но толку как воду в ступе
Мысль настырную опять:
Стружки – это ж не обрубки,
Мне положено строгать!
Ну а чем строгают предки?
Строя избы всем селом,
Говорят, они нередко
Обходились топором.

Но они ж не говорили,
Я надеюсь, меж собой:
Мол, наличник «топорили»
Кто быстрее – наперебой.
Лет ещё возможно за сто
До рожденья моего
В дело скобель шёл и наструг –
Между ними есть родство.

Скобель – это нож двуручный
Для строгания вчерне,
Наструг, струг – строгали лучше.
Это Даль поведал мне.

Но зачем и так и эдак
Надо голову ломать?
Для чего же наструг предок
Стал рубанком называть?!
Что ж, ещё поищем малость,
Что здесь всё-таки не так.
Поискал. И оказалось
По присловью «сам дурак»!

Было настругов немало
Разных видов на Руси:
Паз шпунтовка вынимала,
Штаб округлость наносил,
Был отборник и калёвка –
Для фигурного стружья...
Даже стало мне неловко
За незнание, друзья.

А в семейке многоликой
И рубанок не вопрос:
Этот наструг Пётр Великий
Из Германии завёз.
И с названием немецким
Он прижился на века.
Так что им «рубить» невместно,
А строгать – наверняка.

Доски струганые гладки,
Стружек сладок аромат...
И стихи в моей тетрадке –
Аж шестнадцать строф подряд!

ПРОХОДИЛИ БЕЗДАРНО ДНИ...

Проходили бездарно дни,
И бессмысленно шли года.
Их попробуй теперь, верни:
Да хоть вывернись — никогда!
Хорошо, что ума росток
От сухого пробился пня.
На оставшийся жизни срок
Наконец-то взнуздал коня.
Застоялся лихой — несёт!
За верстою летит верста...
Лет потерянных не спасёт,
Дни бы тщетные наверстать!

СЕРГЕЙ КОРЕВУТ

ПРОЗА ЖИЗНИ

ВСКИПАЕТ МОЗГ ОТ СТИХОТВОРНЫХ СТРОК...

Вскипает мозг от стихотворных строк,
Весь алгоритм прокачивает сразу:
Скрепляет тропами венцы на срубе строф,
По ватерпасу встраивает фразу,
Тачает благозвучий кружева,
Орнамент точной рифмы нарезает,
Соединяет смыслами слова,
Как смальту по оттенкам для мозаик...
Кипит работа – строятся стихи.
Потом перо касается бумаги.

Под взглядом автора, обманчиво-тихи,
Слегка парят следы чернильной влаги.

Поэт, увы, не небожитель,
Ему земная жизнь дана.
Стихи попробуйте сложите,
Когда безумствует весна.
А это значит: в огороде
Торчишь с темна и до темна,
Заботой о водопроводе,
Не о стихах, душа полна;
Там прорвало, там проржавело,
Там кран замены ждёт давно...
Лежит блокнот осиротело,
Скребёт листочками окно.
Ему весна иначе мнится:
Вишнёвый цвет, любви страда...
Очередной ремонт теплицы
Не поэтичен, вот беда!
Навоз – куда же без навозу –
Ему нам впору оды петь!
Но эту жизненную прозу
Не может лирика стерпеть.

В селе весной работы ноты
Слышней, чем яблоневый шум.
И я несчастному блокноту
Так поздно вечером скажу:
«Я твоему призыву внимлю,
Но ты пойми и не перечь:
Поэт родную любит землю
Не меньше, чем родную речь.
Ему жена и дети-внуки
Никак не меньше строк важны.
И мы, товарищ мой, разлуки
С тобой бояться не должны.

Отыщем паузу в заботах,
А там, глядишь, прихватим ночь,
И только ты один, не кто-то
Другой, сумеешь мне помочь
Вернуться к майскому раскладу,
Где, так бескрайне голуба,
Весна коснулась мельком взгляда,
Пока стирал я пот со лба».

Скажу, конечно, с перехлёстом
Про пот и лоб... Но всё равно
Блокнот мой жалобно и слёзно
Скребёт листочками окно.

СИДЕТЬ НА БЕРЕГУ, СЛЕДИТЬ ЗА БЕГОМ ВОЛН...

Сидеть на берегу, следить за бегом волн,
Несущих на себе закатных красок блики,
И чувствовать, что вновь, как юноша, влюблён
В спокойный этот мир, невозможно дикий.

Пусть я уже давно из города сбежал
В предместье, где не так и суетно, и грязно,
Где видишь каждый день и чайку, и стрижа,
И под окном цветы, и зелень в рамах грядок...

Но всё-таки не то. Ухоженный покой
Далёк от красоты нетронутой природы.
И даже Ангара в сравнении с рекой,
Ревущей между скал, – обузданные воды.

Уехать далеко, педали раскрутив,
В безлюдные места пробраться по трясинам,
Или среди камней по выступам крутым,
Или в закрай тайги по тропочкам звериным.

Сидеть на берегу без мыслей дотемна,
Ловя движение волн уже по звёздным искрам,
И ждать, когда взойдёт над гребнем гор луна...
Смотри:
 обратный путь густым туманом выслан.

БЕГУ ВДОЛЬ БАЙКАЛА НА ЛЫЖАХ...

Бегу вдоль Байкала на лыжах,
А он разгоняет волну,
Вздымает всё выше и выше
Сверкающих брызг пелену.

Скрипят ледяные капли
В наезженной мной колее,
И вот уже пенистой лапой
Байкал мазанул по лыжне.

Задумал весёлые салки –
Накатывает вдогон.
И я нажимаю на палки,
Спасаясь от селящих волн!

С разгону на взгорок взлетаю,
Достать меня здесь не вольна,
Беснуется сзади крутая,
Лыжню заливая, волна!

Придётся обратно по лесу...
Энергию поберегу –
Сгодится, когда я полезу
Тонуть по колено в снегу.

Покуда же неторопливо
Дойду до знакомой сосны
У края большого залива,
Где дальние горы видны.

Достану берёсту и спички,
Сушья раскопаю запас,
Костёр на кострище привычном
Ко времени будет сейчас.

Поджарю на прутике сало,
Пусть капает – в жертву огню,
Из термоса чаем усталость
За дальний сосняк прогоню...

Сбылось! И костёр разгорелся,
И сало шкворчало в огне,
И я отдохнул и согрелся,
Сказав «до свиданья» лыжне.

Зимой до чего же полезен
Горячего чая глоток!
Взбодрился – и лезу по лесу,
Хоть снег и провально глубок.

Как водится, мало-помалу
Истаяли силы потом...
Эх, надо же было Байкалу
Устроить не вовремя шторм!

Качаются ветки без ветра,
Обрушив на голову снег,
Последние три километра
Дались, как в томительном сне.

Но ближе к посёлку «обиду»
Забыв (да и кто ж виноват?!),
Я всё-таки к берегу выйду
И встречу с Байкалом закат.

СНЕГА ЗАСЫПАЛИ ТОРОСЫ

Снега засыпали торосы,
А были так прозрачны льды...
Среди торосов криво, косо
Ложатся лыжные следы.
То влево мечутся, то вправо,
То возвращаются в обход,
Как будто странная забава
Меня по озеру ведёт.

Где хода нет, по льдинам лезу,
То лесенкой, то как-нибудь,
Хотя не очень-то полезен
Для лыж такой опасный путь.
Конец завалам. Лыжи целы.
Погнулась палка – не беда.
Я напрямик бегу без цели.
И вдруг под лыжами – вода.

Здесь где-то лёд под снегом треснул,
Просел слегка, и вот итог,
Но мне совсем не интересно
Искать заснеженный «исток».
Иду налево и направо,
Иду назад – и тут течёт.
Уж это точно не забава –
С трудом толочь просевший лёд.

В подмёрзшей «каше» вязнут лыжи,
Шагаю цаплей вкривь и вкось.
А лёд всё ниже, ниже, ниже...
Но вот и трещина – насквозь
Почти полуметровой толщи,
Да пядь всего лишь в ширину.
Вода вдоль трещины клокочет,
Но я ж её перешагну.

На льдину треснувшую давит
Мощь окружающего льда,
С моими смёрзнется следами
Наверх рванувшая вода.
И снова снежная равнина
Поманит мчаться наобум...

Я на торосах лыжи скину,
Чтоб не испытывать судьбу.

ВЫ ЖДЁТЕ ОТ ПОЭЗИИ ЧУДЕС...

Вы ждёте от поэзии чудес
Немыслимых? Фантазий невозможных?
Бросайте всё! Идите в зимний лес,
Где мы с женой для вас лыжню проложим.

Идти по целине – не хватит сил
На дивную природу любоваться.
Не описать, как зимний лес красив!
Наверное, не стоит и пытаться...

Но я попробую... Вот пни – как терема:
Трёхслойной крышей – шапка снеговая,
Сосулек искристых бахрома
Об оттепели мысли вызывает...

Хоть холода февральские сильны,
В них март уже присутствует незримо.
Где ветра нет, там с южной стороны
Лучи тепла подтачивают зиму.

Но стужа скалит белые клыки,
Глазами леденистыми сверкает.
Сугробы не осевшие мягки,
И лёгкостью поспорят с облаками.

На сучьях комья снега там и тут,
Не просто комья – снежные фигуры,
То змеи по ответвиям ползут,
Грозь на шею рухнуть с верхотуры,

То лезет зверь неведомый на ствол,
А то и три-четыре друг за другом,
Вцепившись в хвост... А это точно – слон,
Толстенный слон, и с хоботом, и с ухом.

Чуть дальше – птица – с клювом и хвостом,
Наохлившись, прижала к телу крылья.
А это пёс, рванувший за котом,
А на сушине – голова кобыля!

Найдёшь и ступу с Бабою Ягой,
И лешего с кикиморой отыщешь,
А на берёзе, согнутой дугой,
Залёг дракон, но он не огнедышащ!

На лапах ёлочек полно забавных крох:
Нерпёнок, черепашки, перепёлки,
Миниатюрный спящий носорог,
Сердитый ёж, встопортивший иголки...

Мгновение выхватывает взгляд,
Шаг в сторону – и это просто комья.
А объективный фотоаппарат
Порой «не видит» ничего такого.

Но вновь и вновь ступая на лыжню,
То к северу, то к югу, то к востоку
Сворачивая, взглядами ловлю
Мгновения, влекущие к восторгу.

Так и в стихах: всё то, что ясно мне,
Порой читатель пропускает мимо
Сознания,
скользя, как по лыжне,
По строчкам ветерком неуловимым...

Не ведаю, поймёте ли меня,
Словесные распутывая нити?
Поэзию никто не отменял.
Но в зимний лес вы тоже загляните!

ВОСПОМИНАНИЕ

Мать вошла. Отодвинула шторы:
«Просыпайся, сыночек, пора...»

Я пытаюсь – не знаю, в который
раз, – пытаюсь проснуться... вчера
я уснул, или многие лета
сон владеет померкшей душой...
стёкла окон в отсутствие света
льют мерцающий порошок:
мука вдоха и пытка выдоха –
как в песочных часах – пере-
вёрнут мир... иллюзорность выхода,
отражённого в топоре
палача... в негативе прорезей
уплывают его глаза
фонарями ночного поезда...
удаляется, как вокзал,
мир –
навек теперь потерянный –
в беспросветность небытия...
сон бессонницы –
эти тернии
звёзд обещанных не таят...
только – между... как между мчащимися
бесконечными поездами – падай ниц!..
сквозь вагонный пунктир Молчание
смотрят сполохами зарниц
на попытки мои бесплодные
(если б камень от сна восстал!)...

Я пытаюсь заснуть – в холодные
воды броситься, как с моста...
глубже, глубже, пока дыхание
не очистится от песка...

Вот и молнии отпыхали,
поезда отошли,
и близка
глубина, до которой ни блика
не доходит – там сон и покой...
но в груди взорвалось безликой
оглушающею тоской –
сердце...
и в пустоте подвешенный
вне вселенной... – внутри себя
безотрадной зияю брешью...
жизнь, змеиную ложь шипя,
выползает из старой кожи...
но – куда?.. мы в одном плену.
...зов Молчащих подобен дрожи –
изнутри...
как подобен сну
бред реальности...

Тать полночный
 камнем высадил бы окно!..
Я пытаюсь проснуться...
 точно
сердце жизнью не сожжено...

«СТЫДИСЬ, МАЛОДУШНЫЙ!»

Когда, просыпаясь, себе удивляешься: «Жив?» –
Почти без эмоций, как будто тебя пропустили
Случайно сегодня, а завтра, процесс завершив
Напутствием вечным:

«Достаточно здесь погостили», –
Оплошность исправят...

То – что это значит: пора?
Или от усталости веет дыханием смерти?
Но снова дела, и дела, и дела погружают с утра
В дурманный омут натужной своей круговерти,
Конца им не видно, идут друг за другом взацеп...
Когда поздний вечер в постель твоё тело уложит,
Ты, словно стрелу посылаешь в незримую цель,
Бездумно планируешь утром проснуться. И всё же...
Тревожит, как смутная тень ускользнувшего сна,
Волна удивления – было б чему удивляться,
Ведь ночь, как и день наступающий, жизнью полна.
«Стыдись, малодушный! Ты молод...» –

припомнился Надсон.

От имени жизни он эти слова произнёс.
И тут же над ней поглумился от имени смерти ...
Поэзия – это дневное прибежище грёз,
Которыми сны
наше время съедают до трети.

МНЕ ПЛОХО – НУ И ПУСТЬ...

Мне плохо – ну и пусть.
Кому-то много хуже...
Плывёт по сердцу грусть,
Как палый лист по луже.
Одна ладонь до дна,
Но небо отражает,
То солнце, то луна
Пейзаж преобразают.

Вот лист уже плывёт
Над глубиной бездонной.
Не плавание – полёт!
И даже ветра стоны –
Как голоса святых
Из ораторий Листа –
Среди аллей пустых
И отражений мглистых.

От сердца на ладонь,
В карманчике нагрудном
Оставляю валидол,
Зачем грустить о грустном?!
О светлом погрущу,
О добром, о хорошем...
И память отпускаю –
Искать надежду в прошлом.

ТЕТИВА

Летит сумасшедшая стрелка секундная
по циферблату,
Так быстро, так быстро, так быстро несётся куда-то...
Куда-то ей надо поспеть по какому-то делу...
О, если бы только она не по кругу летела:
С тугой тетивы оперённой стрелой оттолкнулась
И больше на круг надоевший уже не вернулась!
А если уж всё-таки круг на пути попадётся,
Она ему в самое яблочко хищно вопьётся,
И станет как ось, на которой вращается ныне...
Так думаю я...

Но часам неизвестно унынье,
Пока батарейка заряжена или в пружине
Завод не ослабнет... Эмоции чужды машине!
Но стрелка секундная эта совсем не простая:
Она не секунды – мне душу по кругу мотает,
Мой взгляд залучила как будто случайно
и тянет, и тянет –
Пока он тугой тетивой напряжённой не станет.

Незримые стрелы ложатся на эту натугу,
Когда наша жизнь так же бешено мчится по кругу.

ТАК И ПЬЁМ ИЗ «ЧЕРЕПА ОТЦА»

Господи, помилуй и спаси!
На былое время обернись:
Светлого и было на Руси,
Разве что само название – Русь.

Византийство, как троянский конь,
Чужаками к нам привнесено:
Кровь смешали с красками икон,
Влили кровь в церковное вино.

Причащаясь муками Христа,
Пили кровь языческих племён...
Стало целование креста
Символом предательских времён.

Век за веком только кровь и ложь,
Во дворцах – безумства, блуд и блажь.
Вслед – лакейство воровское сплошь:
Будешь нищ, коль совесть не продашь.

Храмы привечают подлецов.
Так и пьём из «черепа отца»,
Как проговорился Кузнецов.
И не будет этому конца.

ОККУПАНТЫ

□

Когда-то я на боковских лугах
И на ангарских чистых берегах
Под жаворонков песнь и вскрики чаек
Ходил, людей часами не встречая.

Не верится, что это было былью,
А не счастливым сном среди тревог
Продавленных машинами дорог,
Наполненных по щиколотки пылью.

Теперь картина здесь совсем другая:
Бреду, ногами мусор раздвигая,
И пьяный мат слышней, чем птичий гам,
Порушенным на гравий берегам.

А там, где берег цел, у самой кромки
Стоят машины, словно на парковке
Или на иномарочном параде,
И музыка гремит, как на эстраде.

Дымят вокруг мангалы и костры.
Орда готовит смачные пиры?
Или победу празднуют пираты?
Плывут по-над лугами ароматы...

Сюда вандалы едут косяками
Не просто посидеть под облаками,
А накачаться водкой и пивком,
Закусывая пряным шашлыком.

Они везут сюда столы и стулья,
Они везут шезлонги и кастрюли,

Но остаются варварской толпой
И не вывозят мусор за собой...

Не верится, что это стало былью,
А не кошмарным сном среди лугов.
Вернуть бы всех языческих богов,
В их времена природу не губили.

□ □

Какой достойны вы расплаты
За ваши мерзкие дела?!
Вы «на природе» оккупанты,
Она вас в гости не звала.

Цветы и травы смяли шины,
Свинцом пропитана листва,
Гремит музыка из машины –
Дерьмо и ритмы, и слова!

Не слышно птиц, не слышно ветра,
И вместо свежести речной –
Шашлычный дух на километры,
И сигаретный, и пивной...

Конечно, тот, кто ходит в гости,
Не убирает со стола.
Ушли, природе мусор бросив...
Природа в гости не звала!

Ушли – костёр не погасили,
Прибрежный лес сожгли дотла.
Был каждый лист в лесу красивей,
Чем ваши рыхлые тела.

Нет рук у матушки-природы,
А будь они – я вижу въявь, –
Она бы вам швырнула в морды
Объедки из зловонных ям!

А чтобы вовсе позабыли,
Как нарушать её покой,
Она бы все автомобили
В жерло смела своей рукой!

У многих вас, что интересно,
Крест православный на виду.
Вам в кабаках вонючих место,
И соответственно – в аду!

К земле выказывают барство
Рабы заоблачных богов.
Природе же нужно не рабство,
А уваженье и любовь.

ИДЁТ ПРОДАЖНАЯ ВОЙНА

Одалживать бойцов врагу.

Японская пословица

СЕРГЕЙ КОРБУТ

□

Зачем одалживать врагу своих бойцов?
Но ты не можешь без войны, а враг измотан.
Ему и трудно воевать и неохота,
И сдаться он уже готов, в конце концов.
Но ты не можешь без войны и гонишь в бой
Своих бойцов, отдав врагу, своим навстречу.
«Ещё не вечер, – говоришь, – ещё не вечер...» –
Идёт великая война с самим собой.

□ □

А люди гибнут – ну и что: им рай обещан!
Им наштампуют орденов, плодя калек,
Оставив десять мужиков на сотню женщин
И ребятишек без отцов на вдовый век.
Ведь ты не можешь без войны, двойник Аида –
Един во множестве персон архистратиг.
И вечной бойне на земле конца не видно,
В ней человеческая жизнь – единый миг.

□ □ □

Державу бросив по кускам ораве псов,
И в услуженье этим псам подавшись сами,
Народной кровью ренегаты подписали
Акт одолжения врагу своих бойцов.
Жируя ныне на предательских паях,
Они не имут срама, стыд не гложет...
Идёт продажная война, и быть не может
Ни славы воинской, ни чести в тех боях.

ВЗНУЗДАЛ КОНЯ – ТАК ОТПРАВЛЯЙСЯ В ПУТЬ

Взнуздал коня – так отправляйся в путь.
Минувшее уже с тобой простилось.
И это «может быть, когда-нибудь...»
Всего лишь исчезающего милость.
Да, может быть, а почему и нет...
Да и когда-нибудь возможно тоже.
Но это всё в невесть какой стране,
На прежнюю лишь призрачно похожей.
И как бы ты сейчас ни загрустил
И ни решил, что в прошлом остаёшься,
Взнуздав коня, не отменяй пути:
В родном краю пришельцем обернёшься.

КОРОТКОЕ РУЖЬЁ СТРЕЛЯЕТ ГРОМЧЕ

Один умён, другой – умом короче...
Кто на виду у публики? – спроси.
Короткое ружьё стреляет громче, –
Монгольская пословица гласит.
Талант изрядный – человек скромнее.
А скромн дар, иль вовсе с гулькин нос –
И обладатель словно сатанеет,
Глядишь, себя до неба превознёс.
Всё пустит в ход, сметёт с пути любого,
На сцену славы прёт, как на войне...
И этого напора лобового
Для публики достаточно вполне.
Привыкшим обитать при свете тусклом
Слепящим солнцем кажется луна.
А знатоков-ценителей искусства
Не так уж много в наши времена.
На крохах дара вскормленное хамство
Пирует вместе с пошлостью теперь.
Для них двоих – вкуснейшее из лакомств
Успеха сливки, снятые в толпе.
И, не мытьём так катаньем, награды,
И денег наркотическая муть...
Талант чужой для бездари – преграда,
Он солнцем проникает в полутьму!
Грохочет выстрел громче там, где пусто,
А из ружья короткого – вдвойне.
Предательски изранено искусство
На этой необъявленной войне.

☺ ОШИБСЯ ПУШКИН

Из бронзы сделан Медный всадник.
Ошибся Пушкин. Боже мой!
С ошибкой пушкинской не сладить
Отныне истине самой!

Какая мистика сокрыта
В соединенье слов простых,
Что напрочь химия забыта,
Когда сознанием правит стих?!

Всесильна гения стихия,
Наука зря вступает в спор,
Мол, строчки, в целом, неплохие,
Но «медный» всадник – это вздор.

К тому же химик привередлив,
Ведь в бронзе этой, знает свет,
Других металлов, кроме меди,
И десяти процентов нет!

Великий образ в мир запущен.
Нам дорог памятник вдвойне.
Его отлил из меди Пушкин,
Взяв за основу Фальконе!

ИЩУ МУЧИТЕЛЬНО СЛОВА?

Ищу мучительно слова?
Да что вы – разве это мука:
Как в звёздном небе, проплывать
В созвучьях, отзвуках и звуках...

Со всех сторон светил поток,
Планет, комет, метеоритов...
Вселенский ритм, сердечным ритмом
Переплетённый с ритмом строк.

Из первозданной глубины
Бьют родники начальной речи –
Древнейших языков предтечи,
Они для разума темны.

Но их дыхание несёт
Во все пределы звёздный ветер.
И жизнь дана на всё про всё –
Прорвать немых мучений нети.

Поэзия – как Млечный Путь
В галактике народной речи.
Торю небесную тропу –
Мне рифма окрыляет плечи.

ОСТАВЬ СВОЕЙ ТРОПИНКИ РОСЧЕРК

Один прошёл, оставив след
В траве,
 надламывая ветки...
Ещё тропы в помине нет,
Едва приметны глазу метки.

А следом двинулся второй,
Доверившись приметам смутным,
Ступая в сторону порой,
Но не теряя нить маршрута.

Следы ложатся на следы,
Твердеет под ногами почва.
И вот сюда приходишь ты,
Пусть в первый раз, но знаешь точно,

Что не заблудишься в лесу:
К реке,
 к горе,
 к стоянке выйдешь,
И мира дивную красу,
Как все идущие, увидишь.

Кому-то кажется порой,
Что путь мог быть прямей и проще?
Но если ты такой герой –
Оставь своей тропинки росчерк.

Ты можешь знак поставить тут,
Что нет прямой твоей дороги,
Но люди всё-таки пойдут,
Скорей всего, по следу многих.

Ты перегрузишь Интернет
Своими схемами движенья.
Но ведь тропы, по сути, нет,
Есть лишь намёк и предложение.

Ты карту местности издашь
На все накопленные средства
С призывом двигаться туда,
Куда, по-твоему, уместно.

Но след-то твой забьёт трава
За это время, дождь залижет.
Толпа, по-своему, права:
Надёжнее – верней, чем ближе.

Пройди не раз, а двадцать пять,
И, может, вышедшие следом
Начнут однажды доверять
Тобой оставленным пометам.

По следу плотно ляжет след –
Они вовек не расслоятся.
Когда последованья нет,
Дороге неоткуда взяться.

Следы ложатся, как слои
Геологической эпохи.
И кто-то вновь торит свои,
Сойдя с проложенной дороги.

ДОМ ОПУСТЕЛ

Дом опустел, теперь, считай, до лета.
В глуши отметив праздники зимой,
Народ разъехался. И только крохи света
Ловить сквозь ставни будет домовой...

Метель уже не выла, не стонала,
А мягко напевала за окном.
Как будто мать младенца пеленала,
Она в снега закутывала дом.

Крутой мороз спускался с гор в долину,
Грозя прийти надолго и всерьёз,
И в небе морозь ткала паутину,
Собрав лучи взывавших ярко звёзд.

Потрескивали стены, расставаясь
С жилым теплом, и в глубине печи,
О пламени тоскуя, остывали
Подёрнутые сажей кирпичи.

Тьма по углам густела, словно пенка
На сливках ночи... Спицей колеса
За кругом круг прокручивалась стрелка
Секундная в больших стенных часах.

Мороз по стёклам расползался вязью...
Томясь в его дыхании густом,
Теперь до лета время здесь увязло
И будет старить опустевший дом.

НА СНЕЖНОЙ ТОПОЛЯ...

На Снежной тополя и в два, и в три объхвата,
Замшелая кора корява и толста.
Порою треснет ствол, морозами обжатый,
Заглянешь, а внутри зияет пустота.

Им пара сотен лет. Старея, сердцевина
Передавала жизнь растущим вширь слоям,
Сама сошла на нет. Пустые вполовину,
Но нас переживут гиганты-тополя!

Лишь ветер-верховик, как вертоградарь рьяный,
Пообкромсал вихры вознёсших листья крон,
И этот плоский срез сквозной границей рваной
Берёзовой горы прочерчивает склон.

...Втроём объяли ствол и, запрокинув лица,
Следим, как бродит свет в извилинах коры,
В мозолистых ветвях, в больших пятнистых листьях...
Вдруг снова верховик срывается с горы.

Какая-то труха, обломанные сучья
Посыпались вокруг. Внутри – смятенный гул.
Внизу – ни ветерка. И мы на всякий случай
Отходим по тропе в ивняк на берегу.

На дальней стороне такая же картина:
Подстриженные в ряд седые тополя
Обвиты по стволам тумана паутиной...
Что здесь древнее их? Лишь небо и земля.

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ... А КТО НЕ ДАЁТ?!

Быть счастливым... А кто не даёт?!
Будь счастливым, довольствуйся малым.
Только кто же, узрев, назовёт
Малым – эти вершины и скалы,
Облаков под ногами пролёт
И стеклом натянувшийся лёд
Над притихшим байкальским провалом!

Я ступаю на призрачный лёд.
И не вижу его под ногами,
Только дно, где мальков хоровод
Мимо тени моей пробегает.
Я, скользя, продвигаюсь вперёд...
Лёд прогнулся и тихо поёт.
Солнце в линзе прогиба сверкает.

Не удастся зайти далеко –
Треск опасный послышался рядом.
Направляюсь обратно ползком,
Это даже удобней для взгляда!
Вот на камешке двое рачков
Наблюдают за толстым бычком,
Оперённым колючим нарядом.

Я ползу, а как будто плыву
Над камнями, покрытыми тиной...
Вот лучи подсветили траву,
Сделав ярче живую картину.
Этот сказочный сон наяву
Я впишу, как большую главу,
В книгу счастья, от счастья остывув.

ОДУВАНЧИКОВЫЙ БЕРЕГ

Одуванчиковый берег
Растянулся на версту.
Только вёрстами ли мерить
Благодать и красоту?
Глубиной и ширью взгляда,
Вдохом радости земной...
Берег дальний,
 будто рядом
Вдруг окажется со мной.

Переплыть? Так нету лодки.
А вокруг – полдня пешком...
Но кусать не стану локти,
Мне и с ближним бережком
Хорошо: здесь чайки реют,
Верещит хвостом бекас,
Да и жаворонка трели
В небе слышатся подчас.

От сорок немного проку,
С ними я давно знаком...
Чёрный ворон на сороку
Налетает петухом.
Что-то делят, как обычно,
Красота им звук пустой...
Я людей подобных лично
Не пустил бы на постой!

Да и тем, кто мусор мечет
По ангарским берегам,
Не пошёл бы я навстречу,
Разве только – как врагам.
Хоть и чёрен чёрный ворон,
Птичьи помыслы просты,

Ну а люди – просто воры
Первозданной красоты!

К облакам молочно-белым,
К небесам душа близка,
А на ближний грязный берег
Хоть глаза не опускай.
Да и дальний вряд ли лучше,
Ведь и там полно машин...
Душу тумблером не включишь,
Нет у пакостных души.

Им бы в глотку мусор этот
Вбил я собственной рукой...
Впрочем, что я – снова лето
Порчу мусорной тоской?!
Люди-люди, не соперник
Вам стихов моих строка...
Одуванчиковый берег
Светел лишь издалека.

ПУТЫ

Вдруг вся жизнь показалась ошибкой –
Глупой, каверзной, роковой!
Где ж она так легко и гибко
Со стремнины скользнула рыбкой
Да отправилась по кривой?!

Как просвет в темноте кромешной,
Я причину ищу в былом:
Повороты, затёсы, вешки...
Где-когда поспешил-промешкал,
Обрекая судьбу на слом?..

Были разного толка расклады,
Вверх тащило – тянули вниз.
То заропщет душа: «Не надо!»,
То с гордынею нету слада,
То прошепчет любовь: «Вернись»...

Не заметил, как вспетушилась
Память – катит сама собой.
Что ей – памятливой – до ошибок,
Вдруг любовью её прошибло,
Память вспомнила про любовь.

Как в альбоме забытом снимки,
Спя в наклеенных уголках,
Ждут душевной беседы с ними,
Так и память – любовь в обнимку –
И витает с ней в облаках!

Память!

Мне-то сейчас до любви ли?!
Что любовь?! И была, и есть.

Мы с ней многое пережили,
Залатали и перешили...
В чём ошибка тогда? Бог весть...

Чем я вдруг оказался стреножен?
Путы тягостны, как вина...
Разберёмся, возможно, позже,
Как я жизнь по ошибке прожил,
Что любовью была полна!

Вешки, затеси, повороты, –
Всё сливается в смутный сон:
Это вовсе не я, а кто-то
Со стремнины речной в болото
Был течением унесён.

Мне чужую внедрили память
О нескладной чужой судьбе,
О каком-то великом плане...
Так зачем же она, как пламя,
Выжигает меня в себе?

ЗДЕСЬ НЕ ВОЗРАСТ. ЗДЕСЬ ЧТО-ТО ДРУГОЕ...

Здесь не возраст. Здесь что-то другое.
Я пытаюсь понять. Не могу.
Тонет некогда дорогое
Обронённой монетой в снегу.

Перекапывать снег бесполезно –
Только руки студить на ветру.
Нет, не возраст виной, не болезни...
Или я себе всё-таки вру?

Пышет жаром открытая печка.
Я сжигаю свои дневники,
Не читая... Всё легче и легче
День за днём улетает с руки.

ВЫСТЫЛИ ЗА НОЧЬ ДОМА...

Выстыли за ночь дома.
Затемно топятся печи.
Ох, и лютует зима,
Будто кому-то перечит,
Властью кичится своей,
Всласть покуражиться хочет.
Хоть бы устала скорей!
Ночи-то стали короче!
Но и средь белого дня,
Небо туманом завесив,
Солнечный свет полоня,
Дышит морозом на веси
И города достаёт –
То-то на улицах пусто!
Стужа, позёмка и лёд –
Шаг отзывается хрустом.
Дети сидят по домам –
Ни погулять, ни размяться.
Ох и лютует зима –
Хочет навечно остаться!

Нет уж! Пробились лучи,
Снега коснулись на крыше:
Робкая капля звучит –
Скоро сосульку нанижет!

НАБЕРУ ТЕПЛА ЗА ПАЗУХУ...

Наберу тепла за пазуху
От костра на берегу,
Застегнусь теплой запасливо –
Хоть немного сберегу.
После зимнего купания
Ветер взялся, как назло,
С колким холодом в компании
Растраниживать тепло.
Мой костёр огнём полощется,
Жаль, с собой не унести.
Лишь берёзовая рощица
Защитит на полпути,
Хоть она голее голого,
Да уменьшит ветра прыть.
А настроя-то весёлого
Мне ничем не перекрыть.
Чудо зимнего купания...
Как бы ветер ни скакал –
У меня своя компания:
Солнце, воздух и Байкал!

РУКА КАСАЕТСЯ РУКИ...

Рука касается руки,
И взгляд встречается со взглядом.
Движенья встречные легки
В часы гармонии и лада.
Они несут тепло и свет,
Преграды суетности рушат
И оставляют счастья след
В наполненных любовью душах.

Но как бывают нележки
В тисках душевного разлада
Движенье встречное руки
И встречное движение взгляда.
В них ни тепла, ни света нет,
Они с трудом преграды рушат
И оставляют горький след
В любви не чувствующих душах.

И надо много пережить,
И многое простить друг другу,
Чтоб колебания души
Не шли по замкнутому кругу,
Едва услышав вдалеке
Намёки грозových раскатов,
И руку удержать в руке,
И взгляд не отвести от взгляда.

И ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЧЕРОВ...

И через десять тысяч вечеров
На пепелище чувственных костров
Опять, как лотос, пламя вырастает...

На волю рвётся слов красивых строй,
Хотя сюжет, как водится, простой,
Да и причина, в общем-то, простая.

По сумме лет супружеских пора
Делить постель спокойно до утра,
С улыбкой вспоминать о пыли прежнем.

Но как, сдувая пепел, жар костра
Возносят снова в пламени ветра,
Так вспыхивает страстью наша нежность.

А что слова? Красивые слова...
Их не избыть, пока любовь жива.

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕС ТАИНСТВЕННО ПРИТИХ...

СЕРГЕЙ КОРЕУТ

Вечерний лес таинственно притих...
Лыжня тропой извилистой ведёт.
Пружинят мягко лапы пышных пихт,
Когда вплотнуюходишь в поворот.
В тревожной полутьме и тишине
Улавливая шорохи шагов,
Они как будто тянутся ко мне –
Потрогать осторожно: кто таков?

А вот таков! Люблю вечерний лес,
Ветвей безлистных призрачную сеть,
Закатных бликов потаённый блеск
На коме снега, оседлавшем ветвь...

Бегу-скольжу по настыли легко,
Закрайный наст обломками скрипит,
И палки, разлетаясь широко,
Цепляют лапы любопытных пихт.
Срезая виражи, лечу вперёд,
Перевожу на редких спусках дух.
Никто меня с объятьями не ждёт
В остывшем доме. Ну а вдруг?
А вдруг?..

Темно и впереди, и позади,
Темноверху – ни месяца, ни звёзд.
И я в ночном лесу совсем один!
И кажется: на много-много вёрст.

А вдруг?..
Да-да, опять смешное «вдруг»!
Но я со смехом здесь повременю.
Почудилось, что повороты в круг
Замкнули бесконечную лыжню.

ПРОЗА ЖИЗНИ

Что я уже давным-давно бегу
В кромешной тьме, и тьма уносит прочь
От мест жилых в дремучую тайгу
Меня, и этот круг, и эту ночь.

И я сейчас в такой глухой дали
От всех, кто помнит обо мне и ждёт,
Что здесь уже и звёзды не смогли
Затеять свой извечный хоровод!

Стою, полёт фантазии кляня,
Давно с её причудами знаком...
Вдруг пихта лапой тронула меня,
Стряхнув с иголок тяжкий снежный ком.
И обдало теплом родной души,
И сразу стало легче на душе.
Я вновь спешу, хоть некуда спешить,
Срезая наст на каждом вираже.

В НЬЮ-ХЭМПШИРЕ, ВОЗМОЖНО, ВСЁ НЕ ТАК...

Вокруг луны огромное гало –
Весь южный небосклон в его охвате,
Циклон несёт откуда-то тепло,
И с ним ветра метельные накатят...

В кольце одна лишь звёздочка горит,
Возможно, потепление краткосрочно...
А если три окажется внутри,
То на три дня погоду напросят!

По-моему, в Нью-Хэмпшире всегда
По счёту звёзд о сроках шторма судят?
А у меня всего одна звезда
Лежит в гало – жемчужиной на блюде.

И ту уже прихватывает край
Светящегося обода, и значит,
Погоды своенравная игра
Любых примет игру переиначит.

В Нью-Хэмпшире, возможно, всё не так,
Там океан, а здесь Байкал и горы.
И, как искрит разболтанный контакт,
Так между ними вспыхивают споры,

Так между ними мечутся ветра,
Туда-сюда раскачивая тучи.
Вот только солнце брызнуло с утра,
И вновь метель запахиваться учит,

Беречь тепла остатки на возврат
В посёлок, к дому, неостывшей печке.
Теряю счёт, который день подряд
Погода предсказаниям перечит?

ЛАДОНЬ СКОЛЬЗИТ ПО ОБНАЖЁННОЙ КОЖЕ...

Ладонь скользит по обнажённой коже
Так медленно, что время замирает.
Нет ничего, что было бы похоже
На этот миг: ладонь скользит по коже,
Как будто душу с телом примиряет.

По женскому расслабленному телу,
Изгибы все и впадины приемля,
Скользит ладонь. И вот душа взлетела
В немыслимую высь того предела,
Откуда смотрят ангелы на землю.

И так, одновременно замирая
И находясь в волнующем полёте,
Я – словно тень в воспоминаньях рая,
Где только самый первый и вторая
Греховности не ощущали в плоти...

ЛАСКОВАЯ МОЯ

Ласковая моя, ласковая,
Ластишься, льнёшь ласточкой,
В лёгком льняном платице
Тело пленяет пластикой,
Всплески волос плавные
Веют волной ландышевой,
Влажны уста лакомые...
Ласковая моя, ладушка!

Летней пыльцы náплески
На лепестках лаковых...
Снимок с твоей надписью:
«Ласковому от ласковой».

☺ ЛЮБВИ ДАЛЁКИЕ ЗАРНИЦЫ

Люблю жену... Так что ж другие
Ещё влекут мой взгляд порой?
Просветы верности благие
Мелькнут зарницей за горой
И – нет... И я уже флиртую,
Магничу голос, маслю взгляд...
Пусть эти происки впустую,
Но как-то душу молодят.

Давно ли в течь, не зная броду,
Входил бездумно и легко,
В любви предчувствуя свободу,
А не смыкание оков?
Оковы сладостны. Но в драме
Склонившихся к закату лет
Зарницей дальней над горами
Свобода полыхнёт и – нет.

К чему нам это? Я не знаю.
Порывы чувств подобны сну,
Где ветры юности за нами
Несут минувшую весну.
Так что же? Пусть свобода длится,
Даря и молодость, и боль.
Любви далёкие зарницы...
Зарниц далёкая любовь...

СКВОЗЬ МАЙСКУЮ ПУРГУ

В полночный час иду по берегу Снежной
Сквозь майскую пургу с тяжёлым мокрым снегом
С нелёгким рюкзаком... И тянется за мной
По свежей белизне, как шов, тропинка следом.
Тяжёлый мокрый снег, неровный чёрный шов,
Пунктирные стежки нескладного прохода,
Нескладного, как жизнь, которой хорошо,
Какая бы в лицо ни грянула погода.
Которой хорошо, поскольку всё вокруг,
Что ей даётся – жизнь: дыхание земное,
Стремительная мысль, и зрение, и слух,
И нечто сверх того, томительно иное.

У жизни мера есть: как внешняя река,
Когда она полна осуществлённой силой,
Усердием пути, энергией рывка, –
В движении своём она неугасима.

Нескладный мой проход по берегу Снежной...
Пунктирные стежки, лежащие в строки...
И встреча наконец с заждавшейся женой,
И смех её сквозь дрожь в моих объятьях мокрых.

☺ БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Допустим, жена захотела лимон,
Сказала волшебное слово «хочу» –
Желанье супруги для мужа – закон,
Его исполняет немедленно он!
На велик вскочил и педали кручу.

Кому-то исполнить желанье легко,
Всё рядом, под боком, куда же спешить...
А мне за лимоном катить далеко!
Да что там лимон! Отыскать молоко
Немыслимо в боковской нашей глуши!

Педали кручу и лечу с ветерком,
Былому рекорду, похоже, хана!
Машину к столбу приторочил замком.
Желанье супруги для мужа – закон,
Когда супермаркет открыт допоздна!

Лимон ароматный сжимает рука,
Я взвесил его и штрихкод прилепил,
А внутренний голос мне шепчет: «Пивка-а...»
И я проверяю запас кошелька...
Не густо. Но литр «Толстяка» закупил!

Обратно качу, и сомнение берёт:
Увидит жена «Толстяка» и решит,
Что в путь устремился не ради неё,
А повод нашёл, чтобы взять питье,
Истратив последние, кстати, гроши.

Поди, докажи, что всё это не так,
Что внутренний голос проснулся потом...
Кому-то, наверное, это пустяк,
И скажет какой-нибудь пошлый остряк,
Мол, ищешь проблемы на месте пустом!

Но я-то, поймите, совсем не таков,
Я ради любимой отправился в путь!
Желанье супруги для мужа – закон,
Когда её любит без памяти он
И выказать хочет любовь как-нибудь!

А тут... Может, голос не внутренним был,
А бес где-то рядом суфлировал мне?
Я этого пива полгода не пил,
И надо же, целую литру купил...
Ну как на глаза показаться жене?!

Припрятать бы пиво пока под крыльцом.
Нет! Снова лукавый попутать сумел,
Мол, выпей, Серёга, и дело с концом,
Лимон поднесёшь молодец молодцом
И будешь в постели удачлив и смел.

Удача в постели – кому не нужна?!
Особенно если давно уже дед...
Короче, бутылку я выпил до дна,
И видела, выплыв на небо луна,
Как гнал я по улицам велосипед!

Но улицы наши, скажу вам, не мёд,
И даже не сахар, и даже не соль.
Когда заложил я лихой поворот,
Езда превратилась в свободный полёт,
Канава подсунулась под колесо!

И вот я лечу над деревней моей
При свете луны под сиянием звёзд
Проносятся крыши, квадраты полей...
Заехал бы в Боково Эдмунд Галлей –
Меня бы он в схемы небесные внёс!

Лимон по соседней орбите летит,
Слегка уклоняясь к созвездью Жираф.
Жираф африканской зеницей косит,
Задумал, щельмец, утолить аппетит,
Мою дорогую покупку сожрав!

Рукой подгребая, к лимону лечу.
Вот хватит ли только инерции мне?
Толкаюсь ногами, осталось чуть-чуть...
Я падать с такой высоты не хочу!
Но как по-иному вернуться к жене?!

Привёл меня в чувство «самсунга» трезвон.
Лежу под забором, башку «разнесло».
Рука омертвело сжимает лимон...
Свободной рукой достаю телефон
И, силы собрав, отвечаю: «Алло...»

«Ты где это, котик? – жена говорит. –
Езжай по Трактовой, любимый, домой,
А то переулочек с утра перерыт...
У Нины ещё магазинчик открыт –
Купи себе пива, заботливый мой!»

ВСТРЕЧА

Два поезда эти обычно встречались
на бешеной скорости возле Олхи,
их окна для взгляда проезжих сливались
в размытые мутно, сквозные штрихи –
мелькнули и нет, но какие-то лица
всплывают в сознании, словно в глазах
на скорости этой могли отразиться
оконные кадры, мелькнувшие за
мгновение перед рассеянным взором;
попутчик – наперсник навязчивый твой –
подтянет ослабшую нить разговора
и шторы задёрнет, тряхнув головой.

Но западный как-то из графика вышел,
и встреча на станции произошла,
в совпавшие окна попутчики дышат,
почувствовав в памяти всплески тепла,
как будто в слепящем мигании блица,
из недр подсознания, из темноты
всплывавшие раньше размытые лица,
казалось, свои обретали черты,
и что-то родное, знакомое мнилось
глазам удивлённым, открытым сердцам,
и что-то припомнилось вдруг, приоткрылось,
но не до конца...

до-кон-ца-до-кон-ца-до-кон-ца...

ПРАВО ВЫБОРА

□

Сокрушена, но в прах не вмята,
И вновь надеждами полна,
Чем перед миром виновата
Правопреемница-страна?!
Осталась с «правом» окаянным –
Платить долги, кормить кагал
Банкиров Зла за океаном,
Отдавших внутренним врагам –
Тем, кто прибрал к рукам нечистым,
Нечистой совестью ведем,
В стране, не сдавшейся фашистам,
Всё то, что нажито трудом
Народа... Сыто пухнут центы, –
А цент рубля не бережёт! –
И с обворованных проценты
Вор под кредит, как шерсть, стрижёт!
Дают кредит банкиры-хваты
С любезной миной, но потом
Настанет час лихой расплаты –
И землю отберут, и дом.
Они плодят бомжей и нищих,
Валюту гонят за рубеж...
В законах правду не отыщешь –
Там для дельцов на бреши брешь!
Из каждой бреши кривда брешет,
И хоть вздох восславословь
Победы власти, в бреши хлещет
Страны великой нашей кровь!
Как, обескровленным, осилить
Капкан заокеанских сфер?
Как обрести тебе, Россия,
Былую мощь СССР?!

Бряцать оружием по миру?
С Обамой спорить, кто умней?
Спасать далёкую Пальмиру
В террористической войне?
Всё это внешние победы,
Их суть – пиар, авторитет...
В России есть такие беды,
С которыми России нет!
Кто даст отпор банкирам-хватам,
Чей идол – золотой телец –
Дал «право» нам – быть гиблым штатом
Подвластной Штатам МВС*?
Не в Государственную Думу,
Не к президенту под сукно
Я обращаю эту думу –
Ведь им всё ведомо давно.
Не политическому сброду,
Лишь чушь способному нести,
А просвещённому народу
Доступно Родину спасти.
Без крови сдвинуть эту глыбу
Пока ещё остался шанс –
И этот шанс – достойный выбор
Того, кто не обманет нас.

□ □

Но что же сделалось с народом –
Понять попробуем теперь,
Что позволяет год за годом
Власть беспардонную терпеть?
Ответ бесхитростен, и всё же
В нём квинтэссенция видна,
Что обывателю дороже
Его диван, а не страна.

* МВС – Международная валютная система.

А тем, которым здесь неплохо,
Власть в искушение дана,
Когда помрут, их вместо Бога
Там приласкает Сатана».

Так что ж священник кровопийце
При жизни ладаном кадит?!
Заплатит – офис освятится,
Подаст на храм – грехи простит...

И как уму с обманом сладить?
Ведь он потопом хлынул к нам!
Страны историю изгадить
Любой сегодня может хам.

Лишая будущего, прошлым
Пугают, истину таят;
Тупым, развратным, жадным, пошлым –
Дорога в их электорат.

Всё бьёт в одну и ту же точку,
Пассивным делая народ.
На этой линии поточной
Рабов система создаёт.

Но тем, кто думает о завтра,
Народа глас – не звук пустой.
Ведёт к свободе только правда!
Ответь: свободен выбор твой?!

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Я не знаю, откуда знал,
но мне снилось за ночью ночь:
грязь в окопчик ручьём текла,
не кончался холодный дождь.
Тело било ознобом так,
что прицелиться не моги.
Пред окопом моим овраг.
За оврагом — враги.

На далёкий огонь сквозят
струи серые вперехлёст.
Тело скрюченное нельзя
распрямить почему-то в рост.
Я проклятия шлю дождю.
Кашель комом саднит в груди.
Я не знаю, чего я жду,
почему я совсем один.

Понимаю, что это сон,
но уйти не могу от сна.
Я не знаю, откуда он,
почему такая война
снится мне: без лихой стрельбы,
без атак и геройских сцен.
Видно, сколок чужой судьбы,
как осколок, мою задел...

Но приходит и сну конец.
За окном стылый вой пурги.
Не припомнят тебя, боец,
ни свои, ни враги.
А в руках твоих ППШ.
Две гранаты в карманах спят...
Будешь в сердце моём лежать,
позабытый войной солдат.

ЗА ВСЕХ УШЕДШИХ...

Как стояли они насмерть на поле битвы,
Так стоят они насмерть на поле жизни.
Как росло на войне безмерно число убитых,
Так стремительно тает число тех, кто ныне живы.

Ах, давно ли на День Победы они разливом
Наполняли моря площадей и улиц реки.
Юбилейных медалей поменьше было,
но жизнь бурлила
В том же русле, что главным было
в двадцатом веке.

Это было большое братство без тайных целей,
Для народа – словно хребет и жилы...
Дождь медалей теперь идёт по базарным ценам.
Ордена пора раздавать «За то, что живы».

Вот стоят они насмерть на поле жизни,
И, как в битве, идёт всё к тому моменту,
Что уже не исполнить солдатам приказ Отчизны
«Рассчитайся на первый-второй!» –
ведь второго-то рядом нету...

И один, конечно же, в поле воин,
И двоих, конечно же, битый стоит.
Но когда с утра ещё было двое,
То за всех ушедших душа простонет.

Так помянем же тех,
кто остался на поле битвы,
Так запомним же тех,
кто не выдержал битвы жизни.
Пусть и те и другие не будут вовек забыты,
Нам ещё пригодятся надёжный хребет и жилы!

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Россия. Двадцать первый век.
Столиким стал двуликий Янус.
А я – советский человек –
Им был и, думаю, останусь.
Цня всяго превыше честь
И презирая ложь и подлость,
С одним лицом, какое есть,
Я жил вчера, живу сегодня.
Мне как отец – СССР,
И я твержу России-мате:

«Ты с ним рассталась, но совсем
Другие чувства между нами.
Твои несчастные сыны
Нужны любовнику-банкиру,
Чтоб, сняв последние штаны,
Пустить их голыми по миру.
Оболган всячески отец,
Грехами мнимыми осыпан...
А новоявленный подлец
К тебе подкатывает сыто.
Отец уплыл от берегов,
А мне он мнится где-то рядом,
И потому кажусь врагом
Я неуёмным плутократам.
Но я врагам, увы, не враг,
Презрение вражде не ровня.
И здесь не собираюсь врать,
Что алчу мести, жажду крови...
Нужна лишь ненависти ложь,
Любовь предпочитает правду...
Россия-мать, не уничтожь
Хотя бы памяти отраду».

ИЗДАЛЕКА...

Ненавидеть Россию просто
И любить её не сложнее...
Поле белое, словно простынь,
Я строчу с утра по лыжне.

Справа – веер прозрачной рощи,
Слева – спит подо льдом река...
Я не верю тому, кто ропщет
Или хвалит – издалека.

Слишком разные измерения.
Слишком разная соль в крови...
Есть любовь, что сродни смиренью.
Нет смирения – без любви.

ЗДЕСЬ В АНГАРУ ВЛИВАЕТСЯ ИРКУТ

Здесь в Ангаре вливается Иркут,
И дочь Байкала, не ценя свободы,
С ним разделяет ложе, но текут
Они, не сразу смешивая воды.

Иркут бурлит, поток холодный лют,
Ведь мощь его стихия гор питает –
Который день в Саянах ливни льют,
И снег вершин, сдаваясь лету, тает!

Иркут несёт деревья и кусты,
Несёт песок, мешает воду с илом.
А воды Ангары всегда чисты
Её потока грациозна сила.

Плыву на лодке, словно по меже,
И странно мне: взгляну направо, вижу –
Вод не найдёшь прозрачней и свежей,
Налево – мутный сплав с оттенком рыжим.

Не знаю где, но где-то далеко,
Туда на лодке долго плыть придётся,
Должно быть место, где река с рекой
В один поток очищенный сольётся.

ГОВОРЯТ О ДУХОВНОЙ СВОБОДЕ...

Говорят о духовной свободе
Иисус, Гаутама, Аллах...
Но свободы возжаждавший ходит
До скончания дней в кандалах.

Нескончаемым звоном наполнен
Неумолчный молитвенный гул...
Я гордыней не болен, но поле
Перейти не могу.

Каплю моря считая за море
И за вечность – момент бытия,
Я в каком-то безадресном споре
Всё пытаюсь себя отстоять.

Каждым шагом – в поступке и слове –
Утверждаю реальность свою
И на этой подспудной основе,
Как на скальном уступе, стою.

Окружающий мир – словно бездна.
Времена – череда облаков.
И с людьми говорить бесполезно –
Всё заглушит бряцанье оков.

НЕДВИЖИМОСТЬ

На первых снимках улиц, площадей
(Да как фотографии с ума не посходили?!)
Не сыщешь ни людей, ни лошадей –
А ведь они там точно проходили!

Красавицы, военные, купцы,
Священники, рабочие, студенты...
Спешили наших прадедов отцы,
И матери с детьми гуляли где-то...

Но выдержка была так велика,
Что всё живое просквозило мимо.
Не так ли в затянувшихся веках
Следы ушедших сделались незримы?

И если вдруг надумает людей
Изжить планета, с временем в обнимку
Недвижимость останется на ней –
Пустая, как на первых фотоснимках.

БОИ БЕЗ ПРАВИЛ

И я был прав. И жизнь была права.
И все на свете тоже были правы,
Подыскивая тяжкие слова
Для странной полемической забавы.

Все спорили. Но истину при том
Никто найти не мог. И не пытался.
Отстаивая личное в пустом,
Оставшись при своём, сошли с дистанций.

Остались я и жизнь. Под общий смех
В боях без правил на большой арене
Мы год за годом развлекаем всех,
Сшибая лбы в пылу ненужных прений.

Удар пропустишь – жизнь уже летит.
Пропустишь довод – жизнь уже несётся!
Пора сказать бы: «Я неправ. Прости».
Но это ложь. А ложью кто спасётся?

☺ РАЗНОСТЬ СЛОВ

Золотое время – бабье лето,
Осень где-то переводит дух.
Песня, что, казалось бы, допета,
У природы наново в ходу.

Если кровь, как в юности, играет,
То и чувства радостно-легки.
Бабье лето – молодость вторая,
Женские счастливые деньки.

Слово «бабье», может, грубовато,
Но и соблюдая пиетет,
Заменять на «женское» не надо,
В «женском лете» восхищенья нет.

Жаль, «мужичье» лето скрылось где-то,
Словно мир другой у мужиков.
С кем делить-то бабам чувство это,
Коли наше лето далеко?!

Видно, нам воспрять неблагородно,
Если, вдруг иссякнув на добро,
Острословье мудрости народной
Не поёт, а тычет: «Бес в ребро!»

Суть одна, а разность слов большая,
И расклад-то, собственно, каков:
«Бабье» лето женщин ублажает,
Наше – греховодит мужиков!

☺ **КОНЧАЙ, МЕТЕЛЬ!**

Замута снежная густа –
Метёт всю ночь.
В душе такая маята,
Что спать невмочь.

Постель – как будто в ней с женой
Мудрил всю ночь.
Ах, это было так давно...
Что спать невмочь.

Есть маяте такой предел,
Или же нет?
Пора вернуться к сонму дел.
Или – к жене?

Метель и к полдню не прошла.
Дрожит стена...
Совсем не ладятся дела,
В уме – жена.

То так припомнятся, то сяк
Ночные «у-ух!..» –
Картинки в воздухе висят,
Аж сводит дух.

Уходят силы ни на что,
На канитель.
Хотя бы вновь к поре ночной
Уймись, метель.

ДЕКАБРЬСКИЙ ЭТЮД

От стужи ночной на Байкале взрывается лёд,
В ощерины трещин, бурля, выступает вода,
Байкалу уже надоел этот смёрзшийся гнёт,
И он выжимает, ломая, громадины льда.

Теснясь и толкаясь, обломки встают на дыбы,
Ползут друг на друга, смерзаясь в подобие скал.
Так свежие грани при свете луны голубы,
Как будто незримый художник лазурь расплескал.

Студёный январь не спеша превратит в полотно
Декабрьский этюд, на хранение отдав февралю.
И будет до мая таким красоваться оно.
Но я самобытную силу этюдов люблю.

И вправо, и влево от устья замёрзшей Снежной
На вёрсты сверкает торосов прозрачных гряда...
А ночь на исходе наполнилась вновь тишиной –
Байкал присмиривший подёрнулся корочкой льда.

НА ОТШИБЕ

Полнолуние. Пик холодов.
Возвращаюсь в потёмках со службы.
Ждёт уютный протопленный дом
Коченеющего от стужи.

На отшибе щедрее мороз,
Да с реки ощущается сырость.
Рукавица, прикрывшая нос,
Ледяной канителью прошилась.

Я не помню занудней зимы,
Хоть и вырос в сибирской деревне.
Из домов вырастают дымы,
Будто призраки белых деревьев.

Оплывает туманом луна,
Как лица парафиновый слепок.
Над берёзой дрожит пелена,
Чуть касаясь оснеженных веток.

Нереальный мистический свет
Бледным гримом ложится на лица,
И дыхания призрачный след,
Опадая на землю, искрится.

АХ, ЭТА НИТЬ...

Который день по Ангаре идёт шуга,
И забереги, сблизив берега,
Заузили свободный ток реки.
Крепки февральские морозные тиски.
На быстрине вскипает гребнями волна,
Но в ширину она разлиться не вольна.

Как хорошо лежать у тонкой кромки льда
И слушать, как шумит внизу вода,
Как мелодично трутся льдинки о края,
Рождая музыку земного бытия.
И если нет победы в том, то есть резон —
Стираясь в прах, переродиться в перезвон...

Но где-то ниже по течению — ледостав.
Ах, Ангара, недаром нравом непроста:
Вода пошла на берега, как на врага,
И смёрзлась в лёд недозвеневшая шуга.
Припорошила снегом лёд метель с утра,
И мы идём к тебе на лыжах, Ангара.

Как хорошо по полю ровному скользить,
Прядя в движении лыжни двойную нить,
Ах, эта нить, как связка тела и души,
Звенит струной, звенит под лыжами в тиши,
Напоминая тренье льдинок о края...
Звучи же, музыка земного бытия!

☺ ДЕВЧОНКИ

Сегодня лес морозно звонкий –
С деревьев сдуло ветром снег,
И с эхом балуясь, девчонки
Вспугнули белку на сосне.

Восторга всплеск! Пошла охота!
Но где там шустрюю поймать!
Зачем лесной красотке фото?
Лихих охотничков пленять?

То с ветки прыгает на ветку,
То затаится за стволом...
Зато желна – её соседка –
Готова хвастать мастерством:

Вот как могу! – и с дробью чёткой
Бьёт крепким клювом по коре...
Немало радости девчонкам
Тайга подарит в декабре!

Хотя девчонкам за полтинник,
Они, как в юности, легки,
И знатоки лесных тропинок,
И по Байкалу ходоки!

Прогулки в праздник превращают,
В поход идти – глаза горят,
Да так, что душу освещают
И тонус мышечный бодрят.

Им тайный зов природы ведом,
И я влекусь на этот зов:
Как пёс-барбос, шагаю следом,
Чуть что – всегда служить готов!

Клубы дыхания, как души –
Парят над чащей зим и лет,
Где по тропинкам юность кружит,
Смеясь затейницам в ответ...

Вернутся в город закопчённый –
Опять солидности полны.
А здесь, в лесу, они – девчонки!
И я балдею, пацаны!

А НОЧЬ БЫЛА КРЕЩЕНСКАЯ ТЕМНА

Крещение. Байкал ещё не стал,
Он забереги мощные ломает.
Штормит,
 шумит,
 колышется,
 вздыхает.

И затихает.
Берег отдыхает,
Сверкая, как расколотый хрусталь.
Кристаллом здесь любуется кристалл
И чистой кристальной полыхает
В полуденных лучах. И льдины в рост
Стоят торчком, прозрачные, как слёзы,
Сквозь них видны прибрежные берёзы,
Сосняк вдали на фоне гор и мост –
Всё призрачно, и словно вспышки звёзд
Пейзаж пронзают лучики насквозь.
Крещение. Крещенские морозы!

...А ночь была крещенская темна.
Луна светила будто вполнакала.
Звезда звезду в прорехах туч искала.
Я шёл во тьме вдоль берега Байкала:
Полпяди льда,
и метра два до дна.
В пяти шагах вода была видна,
Волна шугой на заберег плескала.
Неверный лёд. Один неверный шаг...
И вот уже долбить не надо прорубь.
Я провалился в ледяную прорву,
Рук не подняв... Вот – ссадина над бровью,
И до сих пор шуга шуршит в ушах.
В одежде зимней выбраться попробуй!
И я, признаться, чуть не оплошал –

Под лёд тянули валенок пуды,
Со льда срывались, леденя, руки...
Но жизнь, конечно, стоила мороки.
Глотнув воды, я вышел на поруки
Своей судьбы – творить её труды.
Под взглядом ироническим звезды,
Заледенев, стоймя стояли брюки!
А рядом я стоял на льду без брюк,
Из валенок вытряхивая воду,
И ощущал безмерную свободу:
Здесь полчаса к жилью людскому ходу,
И никого, конечно же, вокруг!
Но холод словно отступился вдруг,
Смирив свою смертельную природу.

А главное – что делалось внутри:
Сплошное ликование, и при этом
Я постепенно наполнялся светом,
Теплом, какого не отыщешь летом...
Возьми стекло, дохни, потом протри,
Ведь стало чище, что ни говори.
Так и во мне прояснело рассветом.
Как долго я под звёздами стоял?
Счастливые часов не наблюдают!
Они особой мерой обладают,
Считая дни, сравнимые с годами
Наполненностью плотной бытия...

У каждого, наверное, своя
Бывает ночь крещенская святая.

Прогулка на лыжах четвертого мая –
Порадую душу сполна!
Последние зимние сливки снимает,
Сбивая погоду, весна.

Известен сибирской красавицы нором:
То в холод бросает, то в жар,
То вьюга колдует над белым покровом,
То бабочки ярко кружат.

Вчера загорал на камнях у залива,
А к вечеру снег принесло,
И за ночь округу на пядь завалило,
Как будто приснилось тепло.

Морозца хватает, чтоб лыжи скользили...
Рассеянный падает свет
На мягкий, молочно-туманный, не зимний,
Не вовремя выпавший снег...

Обратно иду – снег стремительно тает,
Левей забираю, правей,
Скольжу по листве прошлогодней местами,
По жухлой осенней траве.

Втыкаюсь в валежник и палку ломаю,
Но вписан в анналы рекорд:
Прогулка на лыжах! Четвёртое мая.
Две тыщи шестнадцатый год.

Знаю, что памятник не улыбнётся вслед мне,
Но чью же улыбку тогда чувствую я спиной?
Хочется, как в очереди, выкрикнуть:

«Кто последний?» –

И кивнуть подошедшему: «Вы за мной».

Тёплый цвет в твоём образе преобладает,
Даже когда мороз не даёт дышать,
Скажешь «Иркутск», и льдинка на сердце тает...
Это вливается в душу твою и моя душа.

☺ ВЕДУ РИСКОВАННЫЕ СПОРЫ

В дороге на велосипеде
Я чувствую себя прекрасно.
А дома клапаны предсердий
Опять пульсируют опасно.
Досадно это и обидно
В мои нестарческие годы.
Вновь под предлогом благовидным
Бегу в объятия природы.
Кручу педали, лезу в горы,
Купаюсь в ледяном потоке –
Веду рискованные споры
С недугом-недругом жестоким.
Перестаравшись, пью лекарства,
Массирую больные точки,
Врага завязанного коварство,
Как за решётку, прячу в строчки,
Сбиваю аритмию ритмом,
Замками рифмы запираю...
И вновь в сражении открытом
Свободы пяди отбираю;
Наивно думать о победе,
Но бьюсь с недугом не напрасно –
В дороге на велосипеде
Я чувствую себя прекрасно!

ПАТЕФОН

«Кто мне нужен? Кому я нужен?» –
Хрипло кашляет патефон.
На пластинке заевшей кружит
Пыль забытых уже времён...

Кто пружину завёл навечно?
Кто сомнение записал?
И заело-то, как нарочно,
Там, где чёрная полоса...

Голос, как листопад, простужен
В растревоженной тишине.
Мне не важно, кому я нужен,
Если кто-нибудь нужен мне.

Я не стану звонить и письма
В ящик пачками опускать.
Ни во веки веков, ни присно
Не укажет моя строка

На того, кто мне нужен так же,
Как созвездиям тёмный фон...
Зря, пластинку вращая, страдает
Пылью кашляющий патефон.

ОКТАБРЬ 1993 ГОДА

Куда везёт автобус этот
С замёрзшими до жути окнами,
С предательски холодным светом,
Сгустившимся туманом около
Плафонов плоских и заляпанных
Следами ожиревшей копоты,
Где пассажиры, словно кляпами,
Заткнуты повседневным опытом
Движения из неизвестности
В глухое смутное незнаемое
Под гнётом стужи, как под знаменем
Схождения по скользким лестницам
Во тьму, подсвеченную заревами
Пожаров прошлого... до окрика...
До пробуждения... до лета,
Куда везёт автобус этот
С замёрзшими до жути окнами.

НА КЛАДБИЩЕ ВЕСНА

На кладбище весна: цветы, цветы, цветы...
Родительского дня искусственные всходы...
И птицы, ошалев, взирают с высоты:
В краю едва-едва оттаявшей природы,
Чернеющих полей, буреющих болот
Прозрачной ряби рощ, пустынных огородов,
Как пригородный рай, один погост цветёт –
Родительского дня невянущие всходы.
Уже блеснул вдали излучиной Иркут,
И пойменных озёр посверкивают слитки,
Но стая журавлей закладывает круг,
Читая на лету кладбищенские свитки...
И в чётком их ряду наметился просвет...
И чей-то дух опять преобразился в птицу.
Родительского дня неугасимый цвет...
И крыльев тень легла на поднятые лица.

СЕРГЕЙ КОРБУТ

ПРОЗА ЖИЗНИ

☺ ABSENTEM LAEDIT, QUI CUM EBRIO LITIGAT

Наживка есть – и рыбка клюнет...
Опять пускаюсь в спор с собой!
«Кто спорит с пьяным, тот воюет
С отсутствующим...» Славный бой...

Душа у пьяного двоится.
С порожней рюмочкой в руке
Он и поспорить не боится
С самим собой накоротке.

Но кто отсутствует при этом,
Кому все доводы пусты,
Как нервно смятые поэтом
Пустопорожние листы? –

Неважно. Спор – как буря в море
Бушует, корабли губя,
А после – штиль. И, с кем-то споря,
Мы убеждаем лишь себя.

А кораблям на дне пучины
Лежать века во тьме слепой.
Не так ли тонут и причины
Для спора пьяного с собой?!

Мысль перетёртой ниткой рвётся,
Все рассужденья в узелках...
И всё же что-то остаётся
В одной из душ наверняка.

Потом, когда они сольются
В одну-единую опять,
Кто был при мысли, кто в отсутствии,
Уже и не к чему гадать.

Другое дело – биться в споре
С товарищем, принявшим сверх
Разумной меры: «буря в море»
Способна вызвать только смех.

Пластаться, аргументы множа,
Ты волен, право, но при том
Назавтра выискать не сможешь
Ни корабля на дне пустом.

Его химер топил ты рьяно,
Своих плодя, – бесславный бой...
Мораль: уж если спорить с пьяным,
То пей и спорь с самим собой!

☺ ФАЛЬШИВКА

Что ж ты, бабочка, сволочь такая?!
Вот уж лирике где укорот!
Красоте твоих крыл потакая,
Я на гибель обрѣк огород.

Попорхала, как ангел небесный,
И исчезла, взлетев высоко.
А теперь в огорожке тесно
От сожравших его червяков.

Эту мерзость пером не опишешь –
Волосатая масса кишит.
Оплошал, их придумав, Всевышний
Или поиздеваться решил?

Поразмыслив, фальшивку открыл я:
Ты – иллюзия, так-перетак!
Оборвать тебе лёгкие крылья,
И получится тот же червяк!

Как червяк от меня и получишь,
Если встретишься снова со мной.
Ты красиво порхаешь, но лучше
Облетай огород стороной.

Я, НАВЕРНОЕ, ПРОСТО УСТАЛ...

Может быть, я устал?... Я, наверное, просто устал...
А усталость – не старость: пройдёт.
Только вот заблудилась на горных отрогах весна,
И не тает никак накопившийся за зиму лёд.

Не хватает тепла... Все привычные сроки прошли.
Истомилась душа, как ручей, остановленный в беге.
Хоть немного надежды пытаюсь занять у земли,
Но земля и сама затаилась в безжизненной неге.

Ни звезды, ни луны... Всё предместье окутала мгла.
Свет чужих фонарей мою тень провожает устало...
Я иду к Ангаре, чтоб увидеть предвестье тепла –
Как рассвет над туманом водой умывается талой.

НАД РЕЧНЫМ ПОТОКОМ

Небо над городом и над тайгой – разное небо.
В предрассветное время это особо заметно.
Небо над городом виснет в нескольких метрах
И – с оттенками плесневелого хлеба.

Вот сейчас я стою над речным потоком.
Справа – город, слева – волнистое море сопок.
Справа – как будто низкий отсвет коптящих топок.
Слева – небо, сравнимое с допотопным.

В чистом воздухе – отсвет Святого Духа,
Звёзды блекнут, но синь проступает глубже.
Гляну вправо – кажется: город душит
Сам себя своим испареньем тухлым.

Над тайгой, куда самый огромный город
Не дотянется смрадным своим дыханьем,
Небо – это лазурное колыханье,
С бирюзой – если свет отражают горы.

А как густо насыпаны в небе таёжном звёзды!
А какая, другая совсем, луна над горами всходит!
Смотришь в небо –
и жизнь готов провести в походе.
Начинать же поход никогда не поздно.

Ну а если ты небо коптишь без риска,
То, хотя бы, как я, над речным потоком
Помечтай о небе глубооооком,
Что для глаз далеко, а к душе так близко.

НЕ ДОЖДАВШИСЬ ПОЛЯН В ЦВЕТУ...

Не дождавшись полян в цвету
(Где ж терпения тут набрать?!)
На весеннем ангарском льду
Мы надумали загорать.
Солнце смотрит во все глаза,
Ветерок в изумленье смолк,
Неба свежего бирюза –
Как натянутый чистый шёлк.
Лёд, подтаявший, с синевой,
И торосов гряда вокруг,
Обогнувшая по кривой
Ледоставом укрытый луг.
Пусть до лета полметра льда,
Мы-то помним, как будет всё...
На стремнине уже вода
Верховую шугу несёт...

Нас хватило минут на пять.
Но достанет на дни вперёд
Этот мартовский вспоминать
Теплоту подаривший лёд.

СТИХИЯ

Ночное облако стремглав проредил ветер –
Изобразил парящего орла,
Сияют перья крыльев в лунном свете,
Летит за ним клубящаяся мгла
Над цепью гор... Похоже, в горных высях
И в горных далях ливень бьёт внахлест
По крутизне, где стланик склоны выстлал...
Лишь пики – выше, в окруженье звёзд
Возносятся над слоем бурливых –
Так чудится в полночной грёзе мне.
А вам случалось быть в горах над ливнем
И видеть пики в ясной вышине?!

Лишь снизу тучи чёрны; сверху – бёлы.
Здесь благодать! А ниже хлещет дождь,
Мянутся молний огненные стрелы,
И гром свою выказывает мощь!

Пришлось и нам с женой на крутосклоне,
В грозу попав, однажды ночевать.
Матёрых елей вздрагивали корни,
Нам дав приют и заменив кровать.
Упёршись в камни мшистые ногами,
Чтоб не сорваться в лоно скользкой тьмы,
О, мы разгул стихии не ругали –
Восторг и жуть испытывали мы!
Над нами с двух сторон сходились тучи
И сталкивались в ярости лихой.
За взрывом взрыв – от вспышек треск могучий
Не отставал – до туч подать рукой!

Да, мы тогда промокли и продрогли,
Утихло всё часам к пяти утра...
Но только о неистовом восторге
Напомнит крутосклонная гора!

Развспоминался!

Я ж сейчас у леса
Костёр, почти погасший, стерегу.
«Орёл» исчез. На месяц тьма налезла.
И близится уже тревожный гул
По верху крон. Пульсируют зарницы,
Вычерчивая графики хребтов...
Кому в такую ночь спокойно спится?!
А я уснуть, ей-богу, не готов!

Люблю природы выходки лихие –
Она сестра поэту, а не мать! –
И слово всеохватное «стихия»
Мне лестно со «стихами» рифмовать.

Ударил вихрь по веткам, как по струнам,
Листва – оаций выплеснула вал,
С надсадным треском молния сверкнула,
И плотный дождь, как занавес, упал!

НЕДЕЛЮ ЗВЁЗДЫ НЕДОСТУПНЫ ВЗГЛЯДУ

Неделю звёзды недоступны взгляду –
То хмарь, то смог, то вьюга, то туман.
Ночных трудов компьютерный осадок
Першит в глазах и сводит ум с ума.
Всё кажется искомканным, натужным,
Бессмысленным, летящим в тартары...
Мне звёздный строй всегда опорой служит,
Чтоб не скатиться мысленно с горы.

И если вдруг стремительно глупею,
Теряя смысл в простом порядке слов,
Я взглядом нахожу Кассиопею –
С Шедаром, подналёгшим на весло,
С «ладонью» Кафа и «коленом» Рукбы –
С повадками упорного гребца.
Слежу за ним, и стресс идёт на убыль...
Я доведу работу до конца!

Или Возничий с козочкой Капеллой –
Ярчайшая прекрасная звезда!
Сниму усталость с глаз, и вновь за дело,
Ведь без труда и рыбку из пруда
Не вытащишь... Мне нужен звёздный роздых,
Когда слова сквозь муть едва видны.
А ведь они должны сиять, как звёзды,
На фоне философской глубины.

Поймёте ли редакторские муки:
Спасая смысл, не потерять бы прок?
Кто автору «заламывает руки»,
Тот извлечёт сомнительный итог.
Куда как просто резать по живому:
Намного правку ускоряет спесь;
Но этому приёму ножевому
Препятствует редакторская честь.

Я углубляюсь в текст не ради лести,
Прихватываю ночь не для похвал.
А как ещё? – под взглядами созвездий
Натуру я свою формировал.
Хотя туман и хмарь закрыли небо,
И ясных дней пока в прогнозе нет,
Сдавать свои позиции нелепо:
Закрыв глаза, смотрю на звёздный свет!

СЕРГЕЙ КОРЕВУТ

КАМЕНЬ С ПЛЕЧ

Ноша жизни порой нелегка –
Словно камни взвалили на плечи:
В каждом камне комками века,
Человечьего века предтечи.

Оттого они так тяжелы,
Что их комкала мощная сила,
Век за веком скругляя углы,
Вековечную тяжесть вносила.

Отражается небо в реке,
Отражается во поле чистом.
Плотный камень пришёлся к руке:
Бросить вдаль или в небо со свистом?

Камень, пущенный вверх, упадёт
В тот же круг, из которого брошен,
И его бесполезный полёт
Не сотрёт настоящее в прошлом.

Где же камень, запущенный вдаль?
Лишь валунному богу известно,
Где ему, может быть, навсегда,
Предназначено новое место.

Приехала жена... Я ж человек семейный.
И о семье грущу, спрятавшись в глуши.
Душе роднее всё, что я в быту имею,
Но муза тормозит: «Пиши, поэт, пиши!»

Я ей кричу: «Зачем?! Кому всё это надо?!»
Она в ответ: «Кому? Тебе, поэт, тебе.
Талант нельзя зарыть – и вырыть, вроде клада,
Когда-нибудь потом. Он – ключ к твоей судьбе.

Талант даётся в долг. Он, как зерно, посеян
В надежде, что взойдёт обильный урожай.
И если ты сгниешь в земле бесплодно семя,
Останется в долгу пред Господом душа...»

«Я Бога не просил!..» –
«А кто, родимый, просит?
Господь даёт стезю, а ты – иди и пой.
А если, скажем, вдруг года склоняют к прозе,
Придёт моя сестра – тут выбор за тобой...»

Приехала жена... И ходит тише мыши:
Кому она нужна? – Муж с музой говорит...
Блокнот бросаю – и – мы наостряем лыжи!
А муза? Может быть, она повременит?

Куда там! На бегу в меня вонзает строчки!
Давно ли так Амур колчан опустошал?!
Хоть к ночи бы успеть дойти в стихах до точки,
Чтоб голос стервы мне в постели не мешал...

Я музу разозлил эпитетом нелестным.
Исчезла. Может быть, ушла страдать в тиши?
Раздевшись догола, под одеяло лезу.
И вдруг жена сквозь сон: «Пиши, поэт, пиши...»

РЫЖЕЕТ ЛЕС ПОД СОЛНЦЕМ РЫЖИМ...

Рыжеет лес под солнцем рыжим,
Рыжеют горы по бокам,
Светила диск, как рыжий лыжник,
По склону катится в Байкал.

И я вострую на запад лыжи,
Качу к Байкалу на закат:
Там волны забереги лижут!
Там льдинки тонкие звенят!

В сосульках, льдинах, пенных брызгах
На гребнях волн, на гребнях гор –
Сменяет смуту бликов рыжих
Оттенков пламенных узор.

На четверть часа красок хватит
В палитре яростной зари –
Когда последнюю истратит,
Звезда с звездой заговорит...

Простор охватывая взглядом,
Ловя игру кристаллов льда,
Я чутко слушаю, как рядом
Вольготно плещется вода.

И этот плеск, и брызги эти
Вдоль снежно-льדיстых берегов –
Как расшалившиеся дети
Среди примолкших стариков.

Тем, у кого семья большая,
Привычны шалости ребят –
Они и думать не мешают,
И сердце резвостью бодрят.

Так, до крещенской лютой стужи,
Когда возьмёт своё зима,
То создаёт Байкал, то рушит
Для игр закатных терема.

А мы и счастливы, как дети,
Сюда наведавшись с детьми,
Лишь от того – что солнце светит,
Вода привольная шумит.

ПОД НЕБОМ БАЙКАЛЬСКИМ ЧУДЕСНЫМ

Ты смотришь на звёздное небо,
И вот она – детская прять:
Ты хочешь созвездие Нерпа
На небе байкальском открыть.

Так ярко! Так близко! Так много!
Все звёзды вторгаются в стих!
И можно взлететь от восторга –
Хотя бы в мечтаньях своих.

Действительно, как-то нелепо,
Что в этой волшебной стране
Не светит созвездие Нерпа,
Созвездия Омуля нет.

И разве не к месту, спрошу я,
Глубинную выявив связь,
Светил бы Рачок Эпишура,
Вокруг Голомянки кружась?..

Под небом байкальским чудесным
Свободен фантазий полёт.
И кто-то созвездие Детство
Взрослеющим взглядом найдёт.

☺ СЕГОДНЯ – ТРИДЦАТОЕ МАРТА

Сегодня по лужам на лыжах
Скользил я, как глассер, вналёт –
Байкал через трещины выжал
Чистейшую воду на лёд.

А я, разогнавшись в движение,
Понять не сподобился, где
Чистейших небес отраженье
Со льда соскользнуло к воде.

Лазурные брызги сверкнули,
Меня ошаршив слегка,
И лыжи под воду нырнули...
Не так уж она глубока!

Скольжу я на лыжах по лужам,
И это меня не гнетёт,
Ботинки над рантом – снаружи,
И гладок подтаявший лёд:

То, словно жемчужина, матов,
То чёрен, как чёрный агат...
Сегодня – тридцатое марта,
А завтра кончается март.

За шутку сочтя, не поверят,
Когда послезавтра скажу,
Что, встретившись с Первым апреля,
На лыжах по лужам скольжу!

☺ СИЛЫ КОНЧАЮТСЯ ВДРУГ...

Силы кончаются вдруг...
Только что был молодцом:
Шаг и широк, и упруг,
Ветер бодрящий в лицо!

Вдруг ни с того, ни с сего,
Как от удара под дых,
Ноги пошли по кривой,
Ветер отнюдь не бодрит.
Сбился дыхания ритм,
Валится посох из рук,
Опустошенье внутри –
Силы кончаются вдруг.

Возрастом всё объяснить
И на завалинке преть?
Что называется, гнить,
Если не в силах гореть...

Мысли безвольно темны...
Но, отлежавшись чуть-чуть,
Встанешь, и ноги сильны,
И наполняется грудь
Свежим дыханием дня...
Вновь утверждаю в рывке:
Рано на трость заменять
Посох походный в руке!

НЕ ПОЗАВИДУЕШЬ

Собачью миску паутиной
С утра успел заткать паук.
Не ест! Печальная картина
Прогулочных собачьих мук.

Неделю выбраться не можем
С ней на природу, к Ангаре.
Она уже и кость не гложет –
Лежит пластом на конуре.

Скулит тихонько, будто плачет,
Когда уходим по делам.
Не позавидуешь собачьим,
На цепь посаженным, телам!

Им нужно прыгать и резвиться,
Гулять готовы целый день.
А то ведь может и развиться
В глухой тоске собачья лень.

Я распорядок дел нарушу,
Опять вгоню себя в цейтнот,
Зато покой в собачью душу
Верну. А кто ещё вернёт?..

Я вдоль реки бреду по кромке,
Собака носится вокруг,
Глядит в глаза и лаем громким
Зовёт бежать, зовёт в игру.

И устоять уже не в силах,
Бегу, скачу, рычу в ответ...
Со стороны взглянуть: сбесились
Мы с ней вдвоём под старость лет!

Но вот сидим, дыша с натугой,
В поту, на берегу реки
И... улыбаемся друг другу,
Устало свесив языки.

Ну а потом опять ограда,
Цепи тяжёлой тусклый лязг.
Тускнея, исчезает радость
Собачья из собачьих глаз.

☺ СКАЗКА

У меня жена – красавица,
А иначе отчего
Мне она так долго нравится:
Сорок лет без одного?!

Если б делать было нечего,
То куда не засну,
Я готов и днём и вечером
Любоваться на жену.
Но дела лавиной снежную
Так и катятся ко мне,
Им плевать на чувства нежные
К красавице-жене.

Только пауза отыщется,
Я к жене – мол, так и так,
Без красы твоей не дышится
И не пишется никак.
Я жену целую ласково
В шейку, в лобик, в щёчку, в рот...
А жена ответит наскоро –
Тоже дел невпроворот.

Так и маюсь я до вечера,
Дел – верста, любви – вершок.
Эх, да было б делать нечего,
То-то было б хорошо!
Где же тут зарыта истина?
Может, я заморожён?
И любовь – всего лишь мистика
В арсенале хитрых жён?

Тех всё это не касается,
Кто за-ради ласки – льстец.
А у меня жена – красавица!
Тут и сказочке конец...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь огромна! Дань её просторам –
Выси, глуби, дали, времена...
Перед памятью или отверстым взором
Только жизнь одна.

Смерти нет... Фата-моргана, символ –
Для уставшей странствовать души...
Так о чём ты плачешь, птица Сирин?
Что за боль першит

В певчем горле?.. Облетая с веток,
В небеса уносится листва
Золотая... И не в жизни этой
Смыслом наполняются слова.

СОДЕРЖАНИЕ

Две свободы	4
Речной туман сгустился в облака...	10
Где люди, о которых я забыл...	11
Какой душа приходит в этот свет?	12
Про запас...	13
Выжат бытом...	14
Страницами порхает книжица...	15
Мы – как файлы из разных программ...	16
Мир наживы и лжи изменить мы, увы, не вольны...	17
Под электрическими токами	18
Я в Сыктывкаре сроду не бывал	19
«Так что же ты знаешь о жизни своей?»	21
Мухи	23
В стоге сена искать иголку...	24
Все сидели в своей глуши..	25
Несть числа	26
Кто родился и жил в деревне...	29
От скорбных тем уже гудит башка...	30
Вещи, живущие дольше людей	33
В хаос влекомых идеями мёртвыми.	33
я был всегда	34
Луна прошла восьмую часть пути...	35
Глаза боятся – руки делают!	36
В руки я беру рубанок...	37
Проходили бездарно дни...	39
Вскипает мозг от стихотворных строк...	40
Блокнот	41
Сидеть на берегу, следить за бегом волн...	43
Бегу вдоль Байкала на лыжах...	44
Снега засыпали торосы	46
Вы ждёте от поэзии чудес...	48
воспоминание	50
«Стыдись, малодушный!»	52
Мне плохо – ну и пусть...	53

Тетива	54
Так и пьём из «черепа отца»	55
Оккупанты	56
Идёт продажная война	59
Взнуздал коня – так отправляйся в путь	60
Короткое ружьё стреляет громче	61
Ошибся Пушкин	62
Ищу мучительно слова?	63
Оставь своей тропинки росчерк	64
Дом опустел	66
На Снежной тополя...	67
Быть счастливым... А кто не даёт?!	68
Одуванчиковый берег	69
Путы	71
Это время – моё...	73
Здесь не возраст. Здесь что-то другое...	74
Выстыли за ночь дома...	75
Наберу тепла за пазуху...	76
Рука касается руки...	77
И через десять тысяч вечеров...	78
Вечерний лес таинственно притих...	79
В Нью-Хэмпшире, возможно, всё не так...	81
Ладонь скользит по обнажённой коже...	82
Ласковая моя	83
Любви далёкие зарницы	84
Сквозь майскую пургу	85
Баллада о любви	86
Встреча	89
Право выбора	90
Могила неизвестного солдата	94
За всех ушедших...	95
Советский человек	96
Издалека...	97
Здесь в Ангаре вливается Иркут	98
Говорят о духовной свободе...	99
Недвижимость	100

Бои без правил	101
Разность слов	102
Кончай, метель!	103
Декабрьский этюд	104
На отшибе	105
Ах, эта нить...	106
Девчонки	107
А ночь была крещенская темна	109
Рекорд	111
Понимаешь, Иркутск...	112
Веду рискованные споры	114
Патефон	115
Октябрь 1993 года	116
На кладбище весна	117
Absentem laedit, qui cum ebrio litigat	118
Фальшивка	120
Я, наверное, просто устал...	121
Над речным потоком	122
Не дождавшись полян в цвету...	123
Стихия	124
Неделю звёзды недоступны взгляду	126
Камень с плеч	128
Муж с музой говорит...	129
Рыжеет лес под солнцем рыжим...	130
Под небом байкальским чудесным	132
Сегодня – тридцатое марта	133
Силы кончаются вдруг...	134
Не позавидуешь	135
Телефонная память	137
За окном электрички	138
Сказка	139
Послесловие	140

Литературно-художественное издание

КОРБУТ Сергей Владимирович

**ПРОЗА
ЖИЗНИ
СТИХИ**

Оформление и вёрстка автора

Редактор *Корбут А.Ю.*

Использованы шрифты:

Arial, Poster Cyr

Тираж 200 экз.

Отпечатано в Типографии «На Чехова»

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел./факс: (3952) 20-90-56, 20-93-55

e-mail: info@baikalprint.ru